

Хрестоматия

по литературе
ЭПОХИ
ОЗРОЖДЕНИЯ

для 7 класса

Л. И. Щипулина
Хрестоматия по
литературе эпохи
Возрождения для 7 класса

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12004660

*Хрестоматия по литературе эпохи Возрождения для 7 класса: ПЕР
СЭ; Москва; 2004
ISBN 5-9292-0120-X*

Аннотация

Хрестоматия по литературе эпохи Возрождения предназначена для учащихся гимназических классов средней школы. В книге представлены отдельные главы «Божественной комедии», «Новой жизни» Данте, «Декамерона» Боккаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле, «Дон Кихота» Сервантеса, а также пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта», «Двенадцатая ночь» и другие произведения.

Содержание

Данте Алигьери	7
Данте Алигьери	8
I	8
II	10
XIII	11
XIV	14
XXI	17
XXII	19
XXIII	22
XXV	30
XXVI	32
XXVII	35
XXX	36
XXXI	37
XXXIV	41
Данте Алигьери	44
Ад	44
Чистилище	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Л. И. Щипулина

Хрестоматия по

литературе эпохи

Возрождения для 7 класса

© Л. И. Щипулина, 2004

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2004

Составитель: учитель Центра образования № 109
Щипулина Л. И.

Консультант: научный сотрудник Музея
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина Юшкевич
Т. А.

Уважаемый читатель!

– Ты держишь перед собой книгу с уже знакомым названием – хрестоматия. Хрестоматия для 7 класса по литературе Средних веков и Возрождения является продолжением известного тебе курса 6 класса «Литература Древнего мира». В ней собраны произведения разных жанров, написанные в IV–XVI веке.

– В первой книге хрестоматии представлена литература Средних веков. Этот раздел открывается памятниками ли-

тературы Византии, которая просуществовала тысячу лет и оказала заметное влияние на литературу Древней Руси. Тебе будет интересно прочитать произведения, написанные в VII веке, в империи Карла Великого, умного политика, тонкого знатока литературы, собравшего в своем королевстве изысканный круг поэтов и писателей, оставивших миру превосходные образцы литературы разных жанров. Эпос раннего средневековья введет читателя в мир королей и дружинников, пиров и поединков, познакомит с жизнью и обычаями кельтов, скандинавов, германцев.

– Большое место в хрестоматии занимает рыцарская и городская литература XII–XV века. Поэзия трубадуров, вагантов, немецких миннезингеров, роман о Тристане и Изольде, баллады о Робине Гуде, песни о Нибелунгах, Роланде и Сиде представляют мир жизни рыцарей, полный приключений, благородной и чистой любви, подвигов во имя любимой женщины. О жизни средневекового города, простых горожан расскажут произведения, написанные в оригинальных жанрах – фарса и фаблю.

– Вторая книга хрестоматии представляет литературу эпохи Возрождения. В XIV–XVI веке, вначале в Италии, а затем и во всей Европе создаются литературные произведения, которые как бы заново открывают читателю мир и место человека в нем. «Божественная комедия» Данте, сонеты Петрарки, «Декамерон» Боккаччо, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Дон Кихот» Сервантеса, трагедии и комедии

Шекспира изображают острые жизненные конфликты, трагедийные ситуации, показывают разнообразные черты человеческой личности.

Произведения писателей этой эпохи протестуют против средневековой морали, церковного учения о греховности человеческой природы, изображают человека сильным, побеждающим зло и несправедливость.

Данте Алигьери

(1265–1321)

Итальянский поэт, создатель автобиографической повести в стихах и прозе «Новая жизнь», в которой он описал историю своей любви к Беатриче Портинари. Основным трудом Данте считается его «Священная поэма», «Божественная комедия». Эпитет «Божественная» добавил Боккаччо в одном из первых комментариев «Комедии» в знак ее высочайших достоинств. «Божественная комедия» рассказывает о странствиях Данте по загробному миру, читатель попадает сначала в «ад», потом в «чистилище» и «Рай».

Данте также является автором философских трактатов: «Пир», «О народной речи», политических статей: «О монархии», «О земле и воде», что свидетельствует о его успешной политической карьере.

Данте Алигьери

Новая жизнь

Перевод А. Эфроса

В том месте книги памяти моей, до которого лишь немногое можно было бы прочесть, стоит заглавие, которое гласит:

*Incipit vita nova*¹.

Под этим заглавием я нахожу записанными слова, которые я намереваюсь передать в этой книжице, если и не все, то по крайней мере, смысл их.

I

Девять раз уже, после моего рождения, обернулось небо света почти до исходного места, как бы в собственном своем вращении, когда моим очам явилась впервые преславная госпожа моей души, которую называли Беатриче многие, не знавшие, что так и должно звать ее.

Она пребывала уже в этой жизни столько, что за это время звездное небо продвинулось в сторону востока на одну из

¹ Начинается новая жизнь (лат.).

двенадцати частей градуса: так что она явилась мне в начале девятого года своей жизни, я же увидел ее в конце девятого года жизни моей. Она явилась мне одетой в благороднейший алый цвет, скромный и пристойный, опоясанная и убранная так, как то подобало ее весьма юному возрасту. Тут истинно говорю, что Дух Жизни, который пребывает в сокровеннейшей светлице моего сердца, стал трепетать так сильно, что неистово обнаружил себя и в малейших жилах, и, трепеща, произнес такие слова: «Ecce deus fortior me, qui veniens dominabitur mihi»².

Отныне и впредь, говорю, Любовь воцарилась над моей Душой, которая тотчас же была обручена ей, и обрела надо мной такую власть и такое могущество ради достоинств, которыми наделило ее мое воображение, что я принужден был исполнять все ее желания вполне. И много раз она приказывала мне, чтобы я искал встречи с этим иным ангелом: поэтому в детстве моем я часто ходил в поисках ее, и я замечал, что и вид ее и осанка исполнены достойного хвалы благородства, так что воистину о ней можно было бы сказать слова стихотворца Гомера: «Она оказалась дочерью не смертного человека, но бога». И хотя ее образ, постоянно пребывавший со мной, давал Любви силу, чтобы властвовать надо мной, однако таковы были ее благородные достоинства, что не единожды он не позволил Любви править мною без надежного совета разума в тех случаях, когда подобные советы было бы

² Вот бог сильнее меня, кто, придя, получит власть надо мной (лат.).

полезно выслушать. Если задержусь я долго на чувствах и поступках столь юного возраста, то покажется мой рассказ вымышленным, потому я оставляю это, и, миновав многое, что можно было бы извлечь оттуда же, откуда явилось на свет и это, я перейду к тем словам, которые записаны в дальнейших главах моей памяти.

II

После того как прошло столько дней, что исполнилось ровно девять лет со времени описанного ранее появления Благороднейшей, в последний из этих дней случилось, что эта дивная Донна явилась мне облаченной в белоснежный цвет, среди двух благородных донн, которые были старше ее возрастом; и, проходя по улице, она обратила очи в ту сторону, где я стоял, весьма оробев; и, по неизреченной учтивости своей, которая ныне вознаграждена в вечной жизни, она поклонилась мне столь благодно, что мне показалось тогда, будто вижу я мое видение, изложил бы им то, что видел в моем сне. И тогда я начал сонет, начинающийся словами «Чей дух пленен...».

Чей дух пленен, чье сердце полно светом,
Всем тем, пред кем сонет предстанет мой,
Кто мне раскроет смысл его глухой,
Во имя Госпожи Любви, – привет им!

Уж треть часов, когда дано планетам
Сиять сильнее, путь свершили свой,
Когда Любовь предстала предо мной
Такой, что страшно вспомнить мне об этом:

В веселье шла Любовь; и на ладони
Мое держала сердце; а в руках
Несла мадонну, спящую смиренно;

И, пробудив, дала вкусить мадонне
От сердца, – и вкушала та смятенно.
Потом Любовь исчезла, вся в слезах.

Этот сонет делится на две части: в первой я приветствую и прошу ответа; во второй – указываю, на что надлежит ответить. Вторая часть начинается так: «Уж треть часов...» На этот сонет ответили многие и по-разному, а среди прочих ответ дал и тот, кого я именую первым из моих друзей; он сочинил тогда сонет, который начинается: «Ты видел, мнится мне, все совершенство...» И то было как бы началом дружбы между ним и мною, когда он узнал, что это я послал ему сонет. Истинный смысл описанного сна не был разгадан тогда никем, ныне же он ясен и простодушнейшим.

XIII

После этого описанного выше видения, когда были уже

сказаны слова, которые Любовь повелела мне сказать, стали во мне бороться и испытывать меня много разных дум, каждая почти неодолимо. Среди этих дум четыре, казалось мне, особенно сильно нарушали покой моей жизни. Одна из них была такова: «Благостно господство Любви, ибо оно отклоняет стремление верных ей от всего дурного». Другая была такова: «Нет, не благостно господство Любви, ибо чем более доверия ей оказывает верный ей, тем более тягостные и горькие мгновения вынужден он испытать». Еще одна была такова: «Имя Любви сладостно слышать, – поэтому невозможно, кажется мне, чтобы и действие ее не было по большей части сладостным, при том, что названия соответствуют названным вещам, как написано о том: «*Nomina sunt consequentia rerum*»³. Четвертая была такова: «Донна, ради которой Любовь так утесняет тебя, не такова, как другие донны, и не легко тронуть ее сердце». И каждая из этих дум так одолевала меня, что принуждала останавливаться, подобно путнику, который не знает, какой дорогой направить свой шаг, или тому, кто хочет идти, но не знает куда. Когда же приходило мне на ум отыскать общий им путь, такой, где они все могли бы согласоваться между собою, то путь этот оказывался еще более враждебным мне, принуждая призывать Жалость и отдать себя в ее руки. И вот, пребывая в таком состоянии, я почувствовал желание написать стихи, и я сочинил тогда сонет, который начинается «Все помыслы...».

³ Имена суть производные вещей (*лат.*).

Все помыслы мне о Любви твердят.
Но как они несхожи меж собою:
Одни влекут своею добротою,
Другие мне неистово грозят;

Одни надеждой сладостной дарят,
Другие взор не раз темнят слезою;
Лишь к Жалости согласною тропею
Стремит их страх, которым я объят.

За кем идти, увы, не знаю я.
Хочу сказать, но что сказать, не знаю.
Так средь Любви мне суждено блуждать.

Когда ж со всеми мир я заключаю,
То вынужден я недруга призвать,
Мадонну-Жалость, защитить меня.

Этот сонет делится на четыре части: в первой я говорю и показываю, что все мои мысли – о Любви; во второй – говорю, что они различны меж собой, и обнаруживаю их разность; в третьей – говорю, в чем они согласны друг с другом; в четвертой – говорю, что, желая сказать о Любви, я не знаю, с какой стороны сделать приступ. Когда же я пытаюсь приступить со всех сторон, то приходится мне призывать недруга моего, мадонну-Жалость; называя же ее «мадонной», прибегаю я к этому слову как бы презрительно. Вторая часть на-

чинается так: «Но как они несхожи...»; третья — так: «Лишь к Жалости...»; четвертая так: «За кем идти, увя...».

XIV

После этой битвы противоположных мыслей случилось, что Благороднейшая явилась в некое место, где собрались многие благородные донны; в то место был приведен и я дружественной мне особой, думавшей, что доставит мне великое удовольствие, приведя туда, где так много донн являли свою красоту. Я же, не догадываясь, куда ведут меня, и доверившись особе, которая проводила своего друга до пределов жизни, сказал: «Зачем пришли мы к этим доннам?» На это был мне ответ: «Чтобы было кому достойно служить им». А на самом деле они собрались сюда как подруги некой благородной донны, которая в тот день венчалась; и поэтому, согласно обыкновению названного города, им надлежало разделить с ней первую трапезу, которую она вкушала в доме своего молодого супруга. И вот я, думая доставить удовольствие этому другу, решил прислуживать донне и подругам ее. И только лишь принял я решение, как почувствовал, что дивный трепет начался в моей груди, с левой ее стороны, и тотчас же распространился по всему моему телу. И вот, говорю, словно бы нечаянно прислонился я к картине, украшавшей кругом, стены этого дома; и, боясь, как бы другие не заметили моего трепета, поднял я глаза и, взглянув на донн,

увидел между ними благороднейшую Беатриче. Тогда Духи мои были настолько уничтожены силой, которую обрела Любовь, видя себя в такой близости к благороднейшей Донне, что в живых остались лишь Духи Зрения; но и эти были далеко от орудий своих, ибо Любовь пожелала занять их почетнейшее место, дабы лицезреть дивную Донну; и хотя сам я стал уже не таким, как прежде, все же мне было жалко этих маленьких Духов, которые сильно плакали и говорили: «Если бы она не согнала нас с нашего места, мы могли бы лицезреть, какое диво являет собой эта Донна, – как то делают другие, такие же, как мы». Я говорю, что многие из этих донн, заметив перемену во мне, стали дивиться и, толкуя, смеялись надо мной вместе с Благороднейшей; тогда, заметив это, мой обманутый друг, соболезнуя мне, взял меня за руку и, уведя прочь от этих донн, спросил, что со мной. Когда же я немного отдохнул и мертвые духи мои воскресли, а изгнанные вернулись на свои места, я сказал моему другу такие слова: «Я сделал шаг в ту часть жизни, где нельзя уже. идти далее, ежели хочешь воротиться». И, покинув его, я вернулся в убежище слез, где, плача и стыдясь, сказал самому себе: «Если бы Донна знала о моем положении, она, думается, не смеялась бы так надо мной, но, верно, прониклась бы великой жалостью». И, не переставая плакать, я вознамерился сказать слова и в них, обращаясь к ней, объяснить причину моей перемены и поведать, что хорошо знаю, что она не знала ее, а ежели бы знала, то, думается, всех охвати-

ла бы жалость. Вознамерился же я сказать эти слова потому, что хотел, чтобы они как-нибудь дошли до ее слуха. И вот я сочинил сонет, который начинается: «Вы меж подруг...».

Вы меж подруг смеялись надо мною,
Но знали ль вы, мадонна, отчего
Нельзя узнать обличья моего,
Когда стою пред вашей красотой?

А, знали б вы – с привычной добротою
Вы не сдержали б чувства своего:
Ведь то Любовь, пленив меня всего,
Тиранствует с жестокостью такою,

Что, воцарясь средь робких чувств моих,
Иных казнив, других услав в изгнание,
Она одна на вас свой взор стремит.

Вот отчего мой необычен вид!
Но и тогда изгнанников своих
Так явственно я слышу гореванье.

Этот сонет я не делю на части, ибо деление совершается лишь для того, чтобы раскрыть смысл подразделяемого сочинения: вот отчего, поскольку повод к нему истолкован ранее, сонет весьма ясен и нет нужды в делении. Правда, среди слов, разъясняющих повод этого сонета, имеются и темные слова, именно там, где я говорю, что Любовь убивает всех

моих Духов и лишь Духи Зрения остаются в живых, но только вдали от своих орудий. Но эту темноту невозможно прояснить для тех же, кто не был в подобной же мере приобщен Любви. Для тех же, которые приобщены ей, явно то, что может прояснить темноту этих слов; поэтому-то не пристало мне толковать подобные темноты, ибо истолкование сделало бы слова мои напрасными или излишними.

XXI

После того что я поведал о Любви в вышенаписанных стихах, явилось у меня желание сказать еще слова во славу Благороднейшей, дабы в них я показал, как она пробуждает эту Любовь и как не только пробуждает она ее там, где та дремлет, но как и туда, где нет власти Любви, она чудодейственно призывает ее. И вот я сочинил сонет, который начинается «В своих очах...».

В своих очах Любовь она хранит;
Блаженно все, на что она взирает;
Идет она – к ней всякий поспешает;
Приветит ли – в нем сердце задрожит.

Так, смутен весь, он долу лик склонит
И о своей греховности вздыхает.
Надмение и гнев пред нею тает.
О донны, кто ее не восхвалит?

Всю сладостность и все смирение дум
Познает тот, кто слышит ее слово.
Блажен, кому с ней встреча суждена.

Того ж, как улыбается она,
Не молвит речь и не упомянет ум:
Так это чудо благостно и ново.

В этом сонете три части: в первой я говорю, как Донна проявляет это могущество в действии, повествуя о ее очах, прекраснейших в ней; и то же говорю я в третьей, повествуя о ее устах, прекраснейших в ней; а между этими двумя частями есть небольшая частичка, словно бы взывающая о помощи к предшествующей части и к последующей и начинающаяся так: «О донны, кто...». Третья начинается так: «Всю сладостность...». Первая часть делится на три: в первой я говорю о том, как благостно наделяет она благородством все, на что она взирает, – а это значит сказать, что она приводит Любовь ко власти там, где ее нет; во второй я говорю, как она пробуждает Действие Любви в сердцах всех, на кого она взирает; в третьей – говорю о том, что творит она благостью своей в их сердцах. Вторая начинается так: «Идет она...»; третья так: «Приветит ли...». Потом, когда говорю: «О донны, кто...» – поясняю, кого имел я в виду, взывая к доннам, дабы они помогли восхвалить ее. Потом, когда говорю: «Всю сладостность...» – я говорю то же самое, что сказано в пер-

вой части, повествуя о том, что двояко действие ее уст; одно из них — ее сладчайшая речь, а другое — ее дивный смех; я не говорю лишь о том, что производит в сердцах ее смех, потому что память не в силах удержать ни его, ни его действия.

XXII

После этого, по прошествии немногих дней, согласно воле преславного Господа, который не отклонил смерти и от себя, тот, кто был родителем столь великого чуда; каким была благороднейшая Беатриче (то видели все), уходя из этой жизни, истинно отошел к вечной славе. А так как подобная разлука горестна для всех, кто остается, и кто был другом ушедшего; и так как нет более тесной привязанности, нежели у доброго отца к доброму дитяти и у доброго дитяти к доброму отцу; и так как Донна обладала высочайшей степенью доброты, а отец ее, согласно мнению многих и согласно с истиной, был добр в высокой степени, — то и очевидно, что Донна была преисполнена самой горькой скорби. А так как, по обычаю названного города, донны с доннами и мужчины с мужчинами собираются в подобных горестных случаях, то много донн собралось там, где Беатриче жалостно плакала, и вот, видя, как возвращаются от нее некоторые донны, я слышал их речи о Благороднейшей, о том, как печалилась она; и в числе прочих речей слышал я, как они говорили: «Истинно она плачет так, что любой, кто взглянет на нее, непре-

менно умерет от жалости». Затем прошли эти донны мимо; я же остался в такой печали, что порою слеза орошала мое лицо, почему я прикрывал его, поднося часто руки к глазам; и, если бы я не ожидал вновь услышать о ней – ибо находился на таком месте, где проходило большинство донн, которые возвращались от нее, – я скрылся бы тотчас же, как только слезы овладели мной. Так я остался на том же месте, и мимо меня проходили донны, которые шли, говоря друг другу такие слова: «Кто из нас мог бы вновь стать веселым, услышав, как горько жалуется эта донна?» Вслед за ними проходили другие донны, которые шли, говоря: «Этот, стоящий здесь, плачет так, словно он видел ее, как видели мы». Другие, далее, говорили обо мне: «Поглядите, этот на себя не похож – так изменился он!» Так проходили эти донны мимо, и я слышал речи о ней и обо мне того рода, как мною передано. И вот, поразмыслив об этом после, я решил сказать слова, – для чего у меня был достойный повод, – в которых было бы все то, что я слышал о Донне; а так как я охотно расспросил бы их, если бы меня не удерживало приличие, то я и решил представить дело так, как будто я задавал им вопросы, а они держали ответ. И сочинил я два сонета; причем в первом я задаю вопросы так, как у меня было желание расспросить их; во втором – привожу их ответ, принимая то, что я услышал от них, за сказанное в ответ мне. И я начал первый сонет: «Вы, что проходите с главой склоненной...», а второй – «Не ты ли тот, чей стих, не умолкая...».

Вы, что проходите с главой склоненной,
Чей дольный взор о скорби говорит, –
Откуда вы? И почему ваш вид
Мне кажется печалью воплощенной?

Не с благостной ли были вы мадонной?
Любовь слезами лик ее кропит?
Скажите, правду ль сердце мне твердит? –
Ведь нет у вас черты непросветленной.

И если вы оттуда путь стремите,
Тогда молю: побудьте здесь со мной
И, что б с ней ни было, – не утаите!

Я вижу очи, полные слезой,
В таком смятенье, вижу, вы спешите,
Что в сердце трепет, словно пред бедой.

Этот сонет делится на две части: в первой я окликаю и спрашиваю этих донн, не от нее ли они идут, говоря им, что я думаю так потому, что они возвращаются, словно обретая еще больше благородства; во второй – прошу их, чтобы они рассказали мне о ней. Вторая начинается так: «И если вы оттуда...». И вот другой сонет, как то рассказали мы выше:

Не ты ли тот, чей стих, не умолкая,
Мадонну пел, взывая к нам одним?

Ты схож с ним, правда, голосом своим,
Но у тебя как будто стать иная.

О чем скорбишь, так тягостно рыдая,
Что жаль тебя становится другим?
Ты горе ль зрел ее? – и перед ним
Унынья ты не можешь несть, скрывая?

Оставь нас плакать и идти в печали,
И грех тому, кто радость будет знать,
Не мы ли ей, рыдающей, внимали?

В ее лице такой тоски печать,
Что тот, чьи очи взор к ней устремляли,
Рыдая, смерти должен ожидать.

В этом сонете четыре части, согласно тому, что четыре рода ответов дали те донны, за которых я говорил; а так как выше все четыре достаточно разъяснены, то я и не стану излагать смысл частей, но лишь подразделю их. Вторая часть начинается так: «О чем скорбишь...»; третья: «Оставь нас плакать...»; четвертая: «В ее лице...».

XXIII

После этого спустя немного дней случилось, что одну из частей моего тела охватила мучительная болезнь, так что я непрерывно терпел в течение девяти дней горчайшую муку;

и она довела меня до такой немощи, что мне пришлось лежать подобно тем, которые не могут двигаться. И вот, говорю я, на девятый день, когда я почувствовал боль, почти непереносимую, пришла мне некая мысль, и была та мысль о моей Донне. И когда я немного пораздумал о ней, то вернулся к размышлению об ослабевшей моей жизни. И, видя, как она слаба и не прочна, даже когда здорова, стал я оплакивать про себя такое злосчастье. И вот, сильно вздыхая, я сказал себе: «Со всей неизбежностью следует, что и благороднейшая Беатриче когда-нибудь умрет». И тогда меня охватило столь сильное помрачение, что я закрыл глаза и стал мучиться, как человек безумный, и бредить так: в начале блуждания, которое совершило мое воображение, привиделись мне некие облики простоволосых донн, говоривших мне: «И ты тоже умрешь!» Затем, после этих донн, явились мне разные приведения, страшные на вид, которые сказали мне: «Ты мертв». И вот так стало блуждать мое воображение, и я дошел до того, что не знал, где нахожусь; и казалось мне, будто вижу я донн, идущих, распустив волосы и плача, по дороге, дивно грустных; и казалось мне, будто вижу я, что солнце потухло, а звезды были такого цвета, что мог я счесть, будто они плачут, и казалось мне, что птицы, пролетавшие по воздуху, падали мертвыми и что происходили величайшие землетрясения. И в то время как я дивился подобному видению и очень боялся, привиделось мне, что некий друг пришел мне сказать: «Ужели ты не знаешь? Дивная твоя

Донна отошла от мира сего!» Тогда я стал горестно плакать и плакал не только в воображении: плакали очи, орошаясь настоящими слезами. И привиделось мне, будто я смотрю на небо, и показалось, что я вижу множество ангелов, которые возвращались в. высь, а перед ними было белейшее облачко. Мне показалось, что ангелы эти торжественно пели, и слова их песни были точно бы слышны мне, и были они таковы: «Osanna in excelsis»⁴, других же словно бы не слышал я. И вот мне показалось, что сердце, в котором было столько любви, молвило мне: «Это правда, что бездыханной лежит наша Донна!» И тогда будто бы пошел я, чтобы увидеть тело, в котором пребывала эта благороднейшая и блаженная душа. И столь сильно было ложное мое видение, что оно показало мне Донну мертвой: мне привиделось, будто донны прикрыли ее, то есть ее голову, белой тканью; и мне показалось, будто ее лицо носило такую печать смирения, что словно бы говорило: «Вот вижу я источник мира». В этом бреде меня обьяло такое смирение от созерцания ее, что я призывал Смерть и говорил: «Сладчайшая Смерть, приди ко мне и не будь ко мне жестока, ибо ты должна была исполниться благородства: ведь в таком месте пребывала ты! Ныне приди ко мне, столь жаждущему тебя, – ведь ты видишь это, ибо я уже ношу твои цвета». И когда я увидел, что исполнены все печальные обряды, которые обычно совершаются над телом усопших, то показалось мне, будто я вернулся в свое жилище

⁴ Слава в вышних (лат.).

и стал словно бы смотреть на небо; и так силен был мой бред, что, плача, я принялся говорить настоящим голосом: «О прекраснейшая душа, как блажен тот, кто видит тебя!» И когда я произносил эти слова в горестном порыве рыданий и взывал к Смерти, дабы пришла она ко мне, некая донна, юная и благородная, которая сидела возле моего ложа, думая, что мои рыдания и мои слова проистекали только от страданий моей болезни, принялась в великом страхе плакать. И тогда другие донны, что были в комнате, увидев ее слезы, заметили, что и я рыдал; и вот, удалив ее от меня, – ту, что была связана со мной теснейшим родством, – они обратились ко мне, чтобы меня разбудить, думая, что я брежу, и сказали мне: «Не надо спать больше...» и «Не печалься же!» И когда они так сказали мне, сила бреда утихла в то самое мгновение, когда я хотел сказать: «О Беатриче, да будешь благословенна ты!» И я сказал уже: «О Беатриче...» – когда, очнувшись, открыл глаза и увидел, что бредил. И, несмотря на то что я называл это имя, мой голос прервался в порыве рыданий, и эти донны не могли меня понять, как показалось мне. И хотя я очень устыдился, все же по некоему приказанию Любви я повернулся к ним. И когда они увидели меня, то стали говорить: «Он кажется мертвым», – и говорили, между собой: «Попытаемся утешить его», – и вот они сказали мне много слов, дабы утешить меня, а потом спросили, что меня испугало. Тогда я, будучи несколько утешен и поняв лживость бреда, ответил им: «Я вам расскажу, что со мной

было». И вот, от начала и до конца, я поведал им о том, что мне привиделось, умолчав об имени Благороднейшей. Впоследствии же, исцелившись от этой болезни, я решил сказать слова о том, что случилось со мной, ибо мне казалось, что слушать об этом весьма приятно, и поэтому я сочинил канцону «Младая донна...», сложенную так, как то показывает написанное далее подразделение:

Младая донна, в блеске сострадания,
В сиянии всех доблестей земных,
Сидела там, где Смерть я звал всечасно;
И, глядя в очи, полные терзанья,
И внемя звукам буйных слов моих,
Сама, в смятенье, зарыдала страстно.
Другие донны, поспешив участно
На плач ее в покой, где я лежал,
Узрев, как я страдал, —
Ее услав, ко мне склонились строго.
Одна рекла: «Пободрствуй же немного»,
А та: «Не плачь напрасно».
Когда ж мой бред рассеиваться стал,
Мадонну я по имени назвал.

Мой голос был исполнен так страдания,
Так преломлен неистовостью слез,
Что я один мог распознать то слово,
Но, устыдясь невольного деянья,
Бесчестия, что я Любви нанес,

Я, помертвев, упал на ложе снова.
Раскаяние грызло так сурово,
Что, устранившись вида моего:
«Спешим спасти его!» –
Друг другу донны тихо говорили
И, наклонясь, твердили;
«Как бледен ты! Что видел ты такого?»
И вот чрез силу взял я слово сам
И молвил: «Донны, я откроюсь вам!

Я размышлял над жизнью моей брэнной
И познавал, как непрочна она,
Когда Любовь на сердце потаенно
Заплакала, шепнув душе смятенной,
Унынием и страхом сражена:
«Наступит день, когда умрет мадонна!»
И отшатнулся я изнеможенно
И в дурноте глаза свои смежил,
И кровь ушла из жил,
И чувства понеслись в коловращенье,
И вот воображенье,
Презрев рассудком, в дреме многосонной,
Явило мне безумных донн черты,
Взывающих: «Умрешь, умрешь и ты!...»

И я узнал еще о дивном многом
В том буйном сне, который влек меня:
Я пребывал в стране неизъясненной,
Я видел донн, бегущих по дорогам,

Простоволосых, плача и стена,
И мечущих какой-то огонь нетленный.
Потом я увидал, как постепенно
Свет солнца мерк, а звезд – сиял сильнее;
Шел плач из их очей,
И на лету пернатых смерть сражала,
И вся земля дрожала,
И муж предстал мне, бледный и согбенный»
И рек: «Что медлишь? Весть ли не дошла?
Так знай же: днесь мадонна умерла!»

Подняв глаза, омытые слезами,
Я увидал, как улетает ввысь
Рой ангелов, белая словно манна;
И облачко пред ними шло как знамя,
И голоса вокруг него неслись,
Поющие торжественно: «Осанна!»
Любовь рекла: «Приблизься невозбранно, –
То наша Донна в упокойном сне».
И бред позволил мне
Узреть мадонны лик преображенный;
И видел я, как донны
Его фатой покрыли белотканой;
И подлинно был кроток вид ея,
Как бы вещавший: «Мир вкусила я!»

И я обрел смирение в страданье,
Когда узрел те кроткие черты, –
И рек: «О смерть! Как сладостна ты стала!»

Я вижу лик твой в благостном сиянье,
Зане, пребыв с моею Донной, ты
Не лютость в ней, но милость почерпала.
И вот душа теперь тебя взалкала;
Да сопричтусь к слугам твоим и я, —
Приди ж, зову тебя!»

Так с горестным обрядом я расстался.
Когда ж один остался,
То молвил, глядя, как вся высь сияла:
— Душа благая, счастлив, кто с тобой! —
Тут вы, спасибо, бред прервали мой».

В этой канцоне две части: в первой я говорю, обращаясь к некоему лицу, о том, как я был избавлен от безумного видения некими доннами и как я обещал им поведать о нем; во второй — говорю, как я поведал им. Вторая начинается так: «Я размышлял над жизнью моей бренной...». Первая часть делится на две: в первой — говорю о том, что некие донны, и особенно одна из них, говорили и делали по причине моего бреда, до того как я вернулся к действительности; во второй — говорю о том, что эти донны сказали мне, после того как я перестал бредить; начинается же эта часть так: «Мой голос был...». Потом, говоря: «Я размышлял...» — я повествую, как рассказал им о моем видении об этом есть тоже две части; в первой — излагаю это видение по порядку, во второй, сказав о том, когда они окликнули меня, благодарю их в за-

ключение; эта часть начинается так: «Тут вы, спасибо...».

XXV

Может случиться, что усомнится человек, достойный того, чтобы ему разъяснили любое сомнение, и усомнится он, может быть, в том, почему я говорю о Любви так, словно она существует сама по себе не только как мыслимая субстанция, но как субстанция телесная; а это, согласно истинному учению, ложно, ибо Любовь не есть субстанция, но состояние субстанции. А то, что я говорю о ней как о теле – даже как о человеке, – явствует из трех вещей, которые я говорю о ней. Я говорю, что видел, как она идет ко мне; а так как слово «идет» говорит о пространственном движении, в пространстве же движется, согласно Философу, лишь тело, то и явствует, что я полагаю, будто Любовь есть тело. Я говорю еще о ней, что она смеялась, и еще, что она говорила; эти же вещи, кажется, свойственны лишь человеку, особенно же смех; отсюда явствует, что я полагаю, будто она человек. Дабы разъяснить эту вещь, поскольку это будет теперь уместно, – надлежит прежде всего вспомнить, что в старину не было воспевателей любви на языке народном; но воспевали любовь некоторые поэты на языке латинском: я говорю, что у нас, как, может быть, и у других народов случалось и еще случается, произошло то же самое, что было в Греции: не народные, но ученые поэты занимались этими вещами. И

прошло лишь немного лет с тех пор, как впервые появились эти народные поэты, ибо говорить рифмами на языке народном — это почти то же, что сочинять стихи по-латыни. [И вот доказательство тому, что прошло немного времени: если бы мы захотели поискать на языке «*ос*» или на языке «*si*», то мы не нашли бы вещей, сочиненных за сто пятьдесят лет до нашего времени. Причина же тому, что некоторые невежды снискали славу умеющих сочинять, — в том, что они были как бы первыми, которые сочиняли на языке «*si*»]. Первый же, кто начал сочинять как народный поэт, был побужден тем, что хотел сделать свои слова понятными донне, которой было бы затруднительно слушать стихи латинские. И это — в осуждение тем, которые слагают рифмы о чем-либо другом, кроме любви, ибо такой способ сочинять был изобретен с самого начала ради того, чтобы говорить о любви. И вот, так как поэтам дозволена большая вольность речи, нежели сочинителям прозаическим, а слагатели рифм суть не иное что, как поэты, говорящие на языке народном, то достойно и разумно, чтобы им была дозволена большая вольность речи, чем другим сочинителям на народном языке: поэтому ежели какая-либо риторическая фигура или украшение дозволены поэтам, то они дозволены и слагателям рифм. Таким образом, если мы видим, что поэты обращались к неодушевленным вещам так, словно в них есть чувство и разум, и наделяли их речью и делали это не только с вещами существующими, но и вещами несуществующими, и рассказывали о

вещах, которых нет, будто те говорят, и рассказывали, что многие состояния владеют речью, как если бы они были субстанциями и людьми, то пристало и слагателям рифм делать то же, но не безо всякого разума, а настолько разумно, чтобы можно было потом разъяснить все в прозе.

XXVI

Благороднейшая Донна, о которой здесь повествовалось, снискала себе такое благоволение у народа, что, когда она проходила по улице, люди сбегались, чтобы увидеть ее, вследствие чего дивная радость охватывала меня. И когда она находилась вблизи от кого-нибудь, то столь великое почтение нисходило в его сердце, что он не дерзал ни поднять глаза, ни ответить на ее поклон; и многие, которые испытали это, смогли бы служить мне в том свидетелями перед всяким, кто не поверит этому. Так, венчанная и облаченная смирением, проходила она, ничуть не кичась тем, что она видела и слышала. Говорили многие, после того как она проходила: «Это не женщина, но один из прекраснейших ангелов неба». Другие же говорили: «Она – чудо, да будет благословен Господь, имеющий власть творить столь дивно». И казалась она, говорю я, столь благородной и исполненной столь великой прелести, что те, которые видели ее, ощущали в себе сладость такую чистую и нежную, что и выразить ее не могли; и не было никого, кто, видя ее, не вздохнул бы тотчас

же поневоле. Такие и еще более дивные вещи происходили под ее благостным действием. И вот, поразмыслив об этом и желая вновь взяться за стиль, дабы хвалить ее, я решил сказать слова, в которых изъяснил бы ее дивное и превосходное действие, чтобы не только те, которые могли воочию видеть ее, но и другие узнали бы о ней то, что можно изъяснить словами. И вот я сочинил сонет, который начинается «Столь благородна...».

Столь благородна, столь скромна бывает
Мадонна, отвечая на поклон,
Что близ нее язык молчит, смущен,
И око к ней подняться не дерзает.

Она идет, восторгам не внимает,
И стан ее смиреньем облачен,
И кажется: от неба низведен
Сей призрак к нам, да чудо здесь являет.

Такой восторг очам она несет,
Что, встретясь с ней, ты обретаешь радость,
Которой непознавший не поймет,

И словно бы от уст ее идет
Любовный дух, лиющий в сердце сладость,
Твердя душе: «Вздохни...» – и воздохнет.

Этот сонет столь легко понять благодаря рассказанному

прежде, что нет нужды в каких-либо подразделениях, и поэтому, оставляя его, я говорю, что моя Донна снискала столь великое благоволение, что не только она была чтима и прославлена, но ради нее чтимы и прославлены были многие. И вот я, видя это и желая показать тем, кто этого не видал, решил сказать еще слова, в которых было бы это выражено; и тогда я сочинил этот второй сонет, который рассказывает, как ее благость действовала в других, – как то явствует из его разделения:

Взирает на достойнейшее тот,
Кто на мадонну среди донн взирает, –
В веселии за нею он течет
И Господа за милость восхваляет.

Такую благость взгляд ее лиет,
Что зависти никто из донн не знает,
Но всех она в согласии ведет
И верой и любовью оделяет.

Все перед ней смиренно клонят лик,
Но не себе она тем славу множит,
А каждому награду воздает;

И свет ее деяний столь велик,
Что лишь кому на мысль она придет,
Тот о любви не воздохнуть не может.

В этом сонете три части; в первой я говорю о том, среди каких людей Донна казалась наиболее дивной; во второй – говорю о том, как благотворно было ее общество; в третьей – говорю о тех вещах, которые благостно производила она в других. Вторая часть начинается так: «В веселии за нею...», третья так: «Такую благость...». Эта последняя часть делится на три: в первой я говорю о том, как под ее действием менялись сами донны; во второй – говорю о том, как под ее действием менялись донны на взгляд других; в третьей – говорю о том, что благостно производила она не только в доннах, но и во всех людях, и не только своим присутствием, но и памятью о себе. Вторая начинается так: «Все перед ней...»; третья так: «И свет ее деяний...».

XXVII

После этого стал я однажды размышлять о том, что сказал я о моей Донне – то есть об этих двух написанных выше сонетах; и когда я увидел в моем размышлении, что не я сказал о том, как под ее действием меняюсь я сам, то подумал я, что сказано мною слишком мало. И поэтому я решил сказать слова, в которых поведал бы, как, я приуготовлен к действиям ее, а равно о том, как действует на меня ее благость. И, не надеясь, что сумею изложить это с краткостью сонета, я начал тогда канцону, которая начинается «Так длительно...».

Так длительно Любовь меня томила
И подчиняла властности своей,
Что как в былом я трепетал пред ней,
Так ныне сердце сладость полонила.

Пусть гордый дух во мне она сломила,
Пусть стали чувства робче и слабей, –
Все ж на душе так сладостно моей,
Что даже бледность мне чело покрывала.

Поистине любовь так правит мной,
Что вздохи повсеместно быют тревогу
И кличут на помощь

Мою мадонну, щит и панцирь мой:
Она спешит, и с ней – мое спасенье,
И подлинно чудесно то явленье.

XXX

После того как благороднейшая Госпожа отошла от века сего, остался названный город весь словно бы вдовым и лишенным всего достоинства; и вот я, все еще плача в осиротевшем этом городе, написал старейшинам страны нечто о состоянии его, взяв началом слова пророка Иеремии, которые гласят: «*Quomodo sedet sola civitas...*». Говорю же я это к тому, чтобы иные не удивлялись, отчего привел я его выше

как вступление к новому предмету, идущему затем. Если же кто-нибудь захотел бы упрекнуть меня. В том, что я не пишу здесь слов, которые следуют за теми, уже приведенными, то оправданием мне служит то, что с самого начала моим замыслом было писать не иначе, как языком народным; вот и вышло бы, что если бы я написал слова, следующие за теми, что приведены, — все латинские, — то было бы это чуждо замыслу моему; подобного же мнения, знаю, держится и мой первый друг, которому я пишу это, то есть что писать это я должен не иначе, как на языке народном.

XXXI

После того как глаза мои несколько выплакались и были так истомлены, что не могли уже дать исход грусти моей, я задумал попытаться дать ей исход в нескольких горестных словах; и поэтому я решил сочинить канцону, в которой, печальась, размышлял бы о Той, из-за кого стала губительницей моей души столь великая скорбь; и я начал тогда канцону, которая начинается: «Устали очи, сердцу сострадая...». А для того чтобы эта канцона, когда дочтут ее до конца, казалась одинокой, словно вдова, я дам ей подразделение прежде, нежели напишу ее самое; и так же отныне буду делать и впредь. Я говорю, что в этой злосчастной канцоне три части: первая есть вступление; во второй я размышляю о Ней; в третьей — я нежно обращаюсь к канцоне. Вторая

часть начинается так: «Сияет Беатриче...»; третья так: «Канцона моя горькая...». Первая часть делится на три; в первой – говорю о том, что влечет меня говорить; во второй – говорю, кому хочу я говорить; в третьей – говорю, о ком хочу говорить. Вторая начинается так: «Но помню я...»; третья так: «Хочу в слезах...». Потом, когда говорю: «Сияет Беатриче...» – я размышляю о ней; и этому отдаю я две части: сначала говорю о причине, по которой была она взята; затем говорю, как другие оплакивают ее уход; начинается же эта часть так: «Прекрасную покинув плоть...». Эта часть делится на три: в первой – говорю, кто не оплакивает ее; во второй – говорю, кто оплакивает ее; в третьей – говорю о моем состоянии. Вторая начинается так: «Но скорбь, и воздыханья...»; третья так: «Меня страшат...». Потом, когда говорю: «Канцона моя горькая...» – обращаюсь к этой канцоне, указывая ей, к каким доннам надлежит ей идти и пребывать с ними.

Устали очи, сердцу сострада,
Влачить тоски непоборимый гнет,
Напечатлевший знак на них сурово.
И, тяготу свою избыть желая,
Что к смерти с каждым днем меня влечет,
Хочу я вздохам предоставить слово.
Но помню я, что надлежит мне снова,
Как, в дни, когда мадонна между нас
Жила, о донны, – к вам мой стих направить,

Его лишь вам представить,
Чтоб низкий слух не восприял мой глас;
Хочу в слезах пред вами Ту восславить,
Что на небе укрыла облик свой,
Любовь в тоске оставивши со мной.

Сияет Беатриче в небе горнем,
Где ангелы вкушают сладость дней;
Она для них покинула вас, донны, —
Унесена не холодом тлетворным,
Не зноем, умерщвляющим людей,
Но благостью своей непревзойденной.

Ее души, смиреньем напоенной,
Вознеся свет к высоким небесам,
И возымел желание Зиждитель
Призвать в свою обитель
Ту, на кого возрадовался сам.
И помысел исполнил Повелитель,
Зане он видел, что юдоль сия
Не постигает благодати ея.
Прекрасную покинув плоть, благая
Ее душа, всемилости полна,
В пресветлом месте славно пребывает.

Кто слез не льет, о Дивной размышляя,
Тот сердцем камень, в том душа грязна,
Тот благодыни никогда не знает,
Тот помыслов высоких не вмещает,

Пред тем сокрыт навеки лик ея.
Вот отчего не видал он рыдания
Но скорбь, и воздыханья,
И смерти зов, и тягость бытия
Изведал тот навек влача терзанья
Кому душа вещала в некий час,
Кем Та была и как ушла от нас

Меня страшат жестокие томленья.
Когда приводит мысль на тяжкий ум
Ту, по которой сердце так страдает;
И я прошу у смерти избавленья
И чувствую такую сладость дум,
Что тотчас цвет лицо мое меняет.
Но лишь мечта желанное являет,
Ко мне беда со всех сторон спешит,
И я в смятенье мужество теряю
И облик вновь меняю,
И с глаз людских меня уводит стыд;
Но только лишь в сиротстве возрыдаю
Пред Беатриче: «Вот тебя уж нет!»
Как слышу с выси ласковый ответ.

Унынье слез, неистовство смятенья
Так неотступно следуют за мной,
Что каждый взор судьбу мою жалеет.
Какой мне стала жизнь с того мгновенья,
Как отошла мадонна в мир иной,
Людской язык поведать не сумеет.

Вот отчего, о донны, речь немеет,
Когда ищу сказать, как стражду я.
Так горько жизнь меня отяготила,
Так радости лишила,
Что встречные сторонятся меня,
Приметив бледность, что мне лик покрыла.
Одна мадонна с неба клонит взор,
И верю: благ мне будет приговор.

Канцона моя горькая, иди же
В слезах туда, где донны и девицы,
Кому твои сестрицы
Веселие привыкли приносить.
Ты ж, чей удел – дитятей скорби быть,
Тщись, сирая, в чужой семье ужиться.

XXXIV

В тот день, когда свершился год с той поры, как Донна стала гражданкой вечной жизни, сидел я в одном месте, где, вспоминая о ней, рисовал я ангела на неких листах; и в то время как я рисовал его, поднял я глаза и увидел возле себя людей из числа тех, кому надлежит воздавать почтение. Они же смотрели на то, что я делаю, и, как потом было сказано мне, они стояли уже некоторое время, я же не замечал этого. Когда я увидал их, я встал и, поклонившись, сказал: «Некто был только что со мной, поэтому я и задумался». И вот по-

сле их ухода вернулся я к своей работе, то есть к рисованию обликов ангела, и, когда я совершил это, пришла мне мысль сказать слова, как бы в память годовщины, и написать тем, которые пришли ко мне. И тогда сочинил я следующий сонет, который начинается: «Она предстала памяти моей...» – и в котором два начала; поэтому я подразделяю его согласно с одним и согласно с другим. Я говорю, что согласно с первым – в этом сонете три части: в первой – говорю, что Донна пребывала уже в моей памяти; во второй – говорю о том, что сделала в силу этого со мной Любовь; в третьей – говорю о действиях Любви. Вторая начинается так: «Заслышав зов...»; третья так: «Они неслись...». Эта часть делится на две: в первой я говорю, что все мои вздохи исходили, беседуя друг с другом; в другой – говорю, как иные из них говорили некие слова, отличные от других; вторая часть начинается так: «И у кого всех горестней...». Таким же образом делится он согласно со вторым началом, с той лишь разницей, что в одной первой части я говорю о том, когда Донна пришла мне так на память, в другой же об этом не говорю.

ПЕРВОЕ НАЧАЛО

Она предстала памяти моей,
Благая Донна, призванная ныне
Господней волей к вечной благостине

На небеса, где Приснодева с ней.

ВТОРОЕ НАЧАЛО

Она предстала памяти моей,
Та Донна, по которой плачет ныне
Любовь, – в тот миг, когда во благостыне
Смотрели вы на лик, что дал я ей.

Заслышав зов среди дремы своей,
Любовь в сердечной ожила пустыне,
Промолвив вздохам: «Поспешим к святыне!»
И, возрыдав, те понеслись быстрее.

Они неслись и жаловались вслух
Словами, исторгавшими не раз
Ток слез из глаз, что скорбию объаты.

И у кого всех горестней был глас.
Те шли, твердя: «О благородный дух,
Сегодня год, как в небо поднялся ты!»

Данте Алигьери

Божественная комедия

Перевод с итальянского М. Лозинского

Ад

Песнь первая

¹ Земную жизнь пройдя до половины⁵,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.

⁴ Каков он был, о, как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозящий,
Чей давний ужас в памяти несущ!

⁵ *Земную жизнь пройдя до половины.* – Серединой человеческой жизни, вершиной ее дуги, Данте («Пир», I V, 23) считает тридцатипятилетний возраст. Его он достиг в 1300 г. и к этому году приурочивает свое путешествие в загробный мир.

⁷ Так горек он, что смерть едва ль не слаще.
Но, благо в нем обретши навсегда,
Скажу про все, что видел в этой чаше.

¹⁰ Не помню сам, как я вошел туда,
Настолько сон меня опутал ложью,
Когда я сбился с верного следа.

¹³ Но, к холмному приблизившись подножью⁶,
Которым замыкался этот дол,
Мне сжавший сердце ужасом и дрожью,

¹⁶ Я увидал, едва глаза возвел,
Что свет планеты⁷, всюду путеводной,
Уже на плечи горные сошел.

¹⁹ Тогда вздохнула более свободной
И долгий страх превозмогла душа,
Измученная ночью безысходной.

²² И словно тот, кто, тяжело дыша,
На берег выйдя из пучины пенной,

⁶ *К холмному приблизившись подножью.* – Над лесом грехов и заблуждений возвышается спасительный холм добродетели, озаряемый солнцем истины (ср. ст. 77–78).

⁷ *Свет планеты.* – Согласно Птолемеевой системы мироздания, которой придерживается Данте, Солнце было одной из *планет*, вращающихся вокруг неподвижной Земли.

Глядит назад, где волны бьют, страша,

²⁵ Так и мой дух, бегущий и смятенный,
Вспять обернулся, озирая путь,
Всех уводящий к смерти предреченной.

²⁸ Когда я телу дал передохнуть,
Я вверх пошел, и мне была опора
В стопе, давившей на земную грудь.

³¹ И вот, внизу крутого косогора,
Проворная и выющаяся рысь.⁸
Вся в ярких пятнах пестрого узора.

³⁴ Она, кружа, мне преграждала высь,
И я не раз на крутизне опасной
Возвратным следом помышлял спастись.

³⁷ Был ранний час, и солнце в тверди ясной
Сопровождали те же звезды вновь,
Что в первый раз, когда им сонм прекрасный

⁴⁰ Божественная двинула Любовь.⁹

⁸ *Проворная и выющаяся рысь...* – Холм добродетели, на который должен взойти поэт, труднодоступен – его охраняют: рысь (сладострастие), лев (гордыня) и волчица (корыстолюбие).

⁹ *Божественная двинула Любовь.* – Вечная любовь у Данте – главная движущая сила во Вселенной.

Доверясь часу и поре счастливой,
Уже не так сжималась в сердце кровь

⁴³ При виде зверя с шерстью прихотливой;
Но, ужасом опять его стесня,
Навстречу вышел лев с поднятой гривой.

⁴⁶ Он наступал как будто на меня,
От голода рыча освирепело
И самый воздух страхом цепеня.

⁴⁹ И с ним волчица, чье худое тело,
Казалось, все алчбы в себе несет;
Немало душ из-за нее скорбело.

⁵² Меня сковал такой тяжелый гнет
Перед ее стремящим ужас взглядом,
Что я утратил чаянье высот.

⁵⁵ И, как скупец, копивший клад за кладом,
Когда приблизится пора утрат,
Скорбит и плачет по былым отрадам,

⁵⁸ Так был и я смятением объят,
За шагом шаг волчицей неумно
Туда теснимый, где лучи молчат.

⁶¹ Пока к долине я свергался темной,

Какой-то муж явился предо мной.¹⁰
От долгого безмолвья словно томный.

⁶⁴ Его узрев среди пустыни той,
«Спаси, воззвал я голосом унылым, —
Будь призрак ты, будь человек живой!»

⁶⁷ Он отвечал: «Не человек; я был им;
Я от ломбардцев низвожу мой род,
И Мантуя¹¹ была их краем милым.

⁷⁰ Рожден sub Julio, хоть в поздний год,
Я в Риме жил под Августовой сенью,
Когда еще кумиры чтит народ.

⁷³ Я был поэт и вверил песнопенью,¹²
Как сын Анхиза отплыл на закат
От гордой Трои, преданной сожжению.

¹⁰ *Какой-то муж явился предо мной...* – Вергилий – великий римский поэт (символ земного разума и знаний) становится учителем и проводником Данте по Аду и Чистилищу, приводит его к Земному Раю.

¹¹ *И Мантуя...* – Вергилий рассказывает о себе: родился в Мантуанской области (Ломбардия) – при Юлии Цезаре (70 г. до н. э.), жил при Октавиане Августе (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.). В те времена в Италии господствовали языческие верования.

¹² *Я был поэт и вверил песнопенью...* – Вергилий имеет в виду свое главное произведение «Энеиду», где троянец Эней, сын Анхиза, по воле рока становится основоположником Римского государства. Данте поклоняется гению Вергилия, называет его светочем всех певцов земли и своим учителем.

76 Но что же к муке ты спешишь назад?
Что не восходишь к выси озаренной,
Началу и причине всех отрад?»

79 «Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? –
Ответил я, склоняя лик смущенный. –

82 О честь и светоч всех певцов земли,
Уважь любовь и труд неутомимый,
Что в свиток твой мне вникнуть помогли!

85 Ты мой учитель, мой пример любимый;
Лишь ты один в наследье мне вручил
Прекрасный слог, везде превозносимый.

88 Смотри, как этот зверь меня стеснил!
О вещий муж, приди мне на подмогу,
Я трепещу до сокровенных жил!»

91 «Ты должен выбрать новую дорогу,¹³ –
Он отвечал мне, увидав мой страх,
И к дикому не возвращаться логу;

¹³ Ты должен выбрать новую дорогу... – Вергилий говорит о необходимости посетить загробный мир прежде, чем Данте одолеет волчицу и взойдет на спасительную вершину Холма добродетели.

⁹⁴ Волчица, от которой ты в слезах,
Всех восходящих гонит, утесняя,
И убивает на своих путях;

⁹⁷ Она такая лютая и злая
Что ненасытно будет голодна,
Вслед за едой еще сильнее алкая.

¹⁰⁰ Со всяческою тварью случена,
Она премногих соблазнит, но славный
Нагрянет Пес,¹⁴ и кончится она.

¹⁰³ Не прах земной и не металл двусплавный,
А честь, любовь и мудрость он вкусит,
Меж войлоком и войлоком державный.

¹⁰⁶ Италии он будет верный щит,
Той, для которой умерла Камилла,
И Эвриал, и Турн, и Нис¹⁵ убит.

¹⁰⁹ Свой бег волчища где бы ни стремил,
Ее, нагнав, он заточит в Аду,
Откуда зависть хищницу взманила.

¹⁴ *Нагрянет Лес...* – Он прогонит волчицу порока и спасет Италию от раздоров и междоусобных войн. Кто это? Комментаторы до сих пор теряются в догадках.

¹⁵ *Камилла, Турн, Нис и Эвриал* – герои «Энеиды», погибшие в расцвете лет, когда троянские беглецы обосновывались в Италии.

¹¹² И я тебе скажу в свою чреду:
Иди за мной, и в вечные селенья
Из этих мест тебя я приведу,

¹¹⁵ И ты услышишь вопли исступленья
И древних духов, бедствующих там,
О новой смерти тщетные моленья,¹⁶

¹¹⁸ Потом увидишь тех, кто чужд скорбям
Среди огня, в надежде приобщиться
Когда-нибудь к блаженным племенам.

¹²¹ Но если выше ты захочешь взвиться,
Тебя душа достойнейшая ждет:¹⁷
С ней ты пойдешь, а мы должны проститься;

¹²⁴ Царь горних высей, возбраняя вход
В свой город мне, врагу его устава,
Тех не впускает, кто со мной идет.

¹²⁷ Он всюду царь, но там его держава;
Там град его, и там его престол;
Блажен, кому открыта эта слава!»

¹⁶ *О новой смерти тщетные моленья...* – Души грешников в Аду ждут смерти – гибели душ, с которой придет успокоение.

¹⁷ *Тебя душа достойнейшая ждет...* – Беатриче, в которую Данте был всю жизнь влюблен. После ее безвременной смерти она стала небесной возлюбленной поэта.

¹³⁰ «О мой поэт, – ему я речь повел, –
Молю Творцом, чьей правды ты не ведал:
Чтоб я от зла и гибели ушел,

¹³³ Яви мне путь о коем ты поведал,
Дай врат Петровых¹⁸ мне увидеть свет
И тех, кто душу вечной муке предал».

¹³⁶ Он двинулся, и я ему вослед.

Песнь третья

Я увожу к отверженным селеньям.
Я увожу сквозь вековечный стон.
Я увожу к погибшим поколениям.

⁴ Был правдою мой зодчий вдохновлен:
Я высшей силой, полнотой всезнанья
И первую любовью сотворен.

⁷ Древней меня лишь вечные создания
И с вечностью пребуду наравне.

¹⁸ Врата Петровы... – вход в Чистилище.

Входящие, оставьте упованья.¹⁹

¹⁰ Я, прочитав над входом, в вышине,
Такие знаки сумрачного цвета,
Сказал: «Учитель, смысл их страшен мне».

¹³ Он, прозорливый, отвечал на это:
«Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета.

¹⁶ Я обещал, что мы придем туда,
Где ты увидишь, как томятся тени,
Свет разума утратив навсегда».

¹⁹ Дав руку мне, чтоб я не знал сомнений,
И, обернув ко мне спокойный лик,
Он ввел меня в таинственные сени.

²² Там вздохи, плач и исступленный крик
Во тьме беззвездной были так велики,
Что поначалу я в слезах поник.

¹⁹ Надпись на вратах Ада, сотворенного христианским богом (мой создатель), который, по мнению Данте, сочетал в себе высшую силу (бог-отец), полноту всезнания (бог-сын) и любовь (бог – дух святой). Ад – последняя дистанция, он будет существовать вечно. Ад, как представлял себе поэт, похож на воронку, самая узкая часть которой доходит до центра земли, где вмерз в лед и царит падший ангел огромный Люцифер. По склонам воронки горизонтальными концентрическими уступами – полосами расположились девять кругов Ада. Каждый следующий круг меньше предыдущего и уходит все глубже в землю.

²⁵ Обрывки всех наречий, ропот дикий,
Слова, в которых боль, и гнев, и страх,
Плесканье рук, и жалобы, и вскрики

²⁸ Сливались в гул, без времени, в веках,
Кружащийся во мгле неозаренной,
Как бурным вихрем возмущенный прах.

³¹ И я, с главою, ужасом стесненной,
«Чей это крик? – едва спросить посмел. –
Какой толпы, страданьем побежденной?»

³⁴ И вождь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел

³⁷ И с ними ангелов дурная стая,
Что, не восстав, была и не верна
Всевышнему, средину соблюдая.

⁴⁰ Их свергло небо, не терпя пятна;
И пропасть Ада их не принимает,
Иначе возгордилась бы вина».

⁴³ И я: «Учитель, что их так терзает
И принуждает к жалобам таким?»
А он: «Ответ недолгий подобает.

46 И смертный час для них недостижим,
И эта жизнь настолько нестерпима,
Что все другое было б легче им.

49 Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни – и мимо!»

52 И я, взглянув, увидел стяг вдали,
Бежавший кругом, словно злая сила
Гнала его в крутящейся пыли;

55 А вслед за ним столь длинная спешила
Чреда людей, что верилось с трудом,
Ужели смерть столь многих истребила.

58 Признав иных, я вслед за тем в одном
Узнал того, кто от великой доли
Отрекся в малодушии своем.²⁰

61 И понял я, что здесь вопят от боли
Ничтожные, которых не возьмут

²⁰ *Кто от великой доли отрекся в малодушии своем.* – Папа Целестин V (избран в 1294 г.) под нажимом папы Бонифация VIII, ненавидимого поэтом, отрекся от престола, не пробыв на нем и полугода. Этот пример, по замыслу Данте, должен показать, как ничтожны люди, отказавшиеся по своему малодушию от борьбы за правое дело.

Ни бог, ни супостаты божьей воли.

⁶⁴ Вовек не живший, этот жалкий люд
Бежал нагим, кусаемый слепнями
И осами, роившимися тут.

⁶⁷ Кровь, между слез, с их лиц текла струями,
И мерзостные скопища червей
Ее глотали тут же под ногами.

⁷⁰ Взглянув подальше, я толпу людей
Увидел у широкого потока.
«Учитель, – я сказал, – тебе ясней,

⁷³ Кто эти там и власть какого рока
Их словно гонит и теснит к волнам,
Как может показаться издадека».

⁷⁶ И он ответил: «Ты увидишь сам,
Когда мы шаг приблизим к Ахерону²¹
И подойдем к печальным берегам».

²¹ *Ахерон – адская река*, известная из античной мифологии, широко используемой нашим поэтом. Она опоясывает круг первый Ада и, низвергаясь вниз, образует Стикс (Стигийское болото), окружающее город Дита (Люцифера). Потом, стекая ниже, воды Стикса преобразуются в пылающую реку Флегетон, а она, в свою очередь, пробившись к центру Земли, обращается в ледяное озеро Коцит. Так, до мельчайших деталей продуманно, строит Данте архитектуру своего Ада и вообще всего загробного мира.

⁷⁹ Смущенный взор склонив к земному лону,
Боясь докучным быть, я шел вперед,
Безмолвствуя, к береговому склону.

⁸² И вот в ладье навстречу нам плывет
Старик, поросший древней сединою,²²
Крича: «О, горе вам, проклятый род!

⁸⁵ Забудьте небо, встретившись со мною!
В моей ладье готовьтесь переплыть
К извечной тьме, и холоду, и зною.

⁸⁸ А ты уйди, тебе нельзя тут быть,
Живой душе, средь мертвых!» И добавил,
Чтобы меня от прочих отстранить:

⁹¹ «Ты не туда свои шаги направил:
Челнок полегче должен ты найти,
Чтобы тебя он к пристани доставил».

⁹⁴ А вождь ему: «Харон, гнев укроти.
Того хотят – там, где исполнить власти
То, что хотят. И речи прекрати».

⁹⁷ Недвижен стал шерстистый лик ужасный

²² Старик, поросший древней сединою... – Харон, перевозчик душ через адскую реку.

У лодочника сумрачной реки.
Но вокруг очей змеился пламень красный.

¹⁰⁰ Нагие души, слабы и легки,
Вняв приговор, не знающий изъятья
Стуча зубами, бледны от тоски,

¹⁰³ Выкрикивали господу проклятья,
Хулили род людской, и день, и час,
И край, и семя своего зачатья.

¹⁰⁶ Потом, рыдая, двинулись зараз
К реке, чьи волны, в муках безутешных,
Увидят все, в ком божий страх угас.

¹⁰⁹ А бес Харон сзывает стаю грешных,
Вращая взор, как уголья в золе,
И гонит их и бьет веслом неспешных.

¹¹² Как листья сыплются в осенней мгле,
За строем строй, и ясень оголенный
Свои одежды видит на земле»

¹¹⁵ Так сев Адама, на беду рожденный,
Кидался вниз, один, за ним другой,
Подобно птице, в сети приманенной.

¹¹⁸ И вот плывут над темной глубиной;

Но не успели кончить переправы,
Как новый сонм собрался над рекой.

¹²¹ «Мой сын, – сказал учитель величавый, –
Все те, кто умер, бога прогневив,
Спешат сюда, все страны и державы;

¹²⁴ И минуть реку всякий тороплив,
Так утесненный правосудьем бога,
Что самый страх преображен в призыв.

¹²⁷ Для добрых душ другая есть дорога;
И ты поймешь, что разумел Харон
Когда с тобою говорил так строго».²³

¹³⁰ Чуть он умолк, простор со всех сторон
Сотрясся так, что, в страхе вспоминая,
Я и поныне потом орошен.

¹³³ Дохнула ветром глубина земная,
Пустыня скорби вспыхнула кругом,
Багровым блеском чувства ослепляя;

¹³⁶ И я упал, как тот, кто схвачен сном.

²³ *И ты поймешь, что разумел Харон, когда с тобою говорил так строго.* – Харон имел дело с перепуганными грешниками, а не с такого рода избранными людьми, как Вергилий и Данте.

Песнь четвертая

Ворвался в глубь моей дремоты сонной
Тяжелый гул,²⁴ и я очнулся вдруг,
Как человек, насильно пробужденный.

⁴ Я отдохнувший взгляд обвел вокруг,
Встав на ноги, и пристально взирая,
Чтоб осмотреться в этом царстве мук.

⁷ Мы были возле пропасти, у края,
И страшный срыв гудел у наших ног,
Бесчисленные крики извергая.

¹⁰ Он был так темен, смутен и глубок,
Что я над ним склонялся по-пустому
И ничего в нем различить не мог.

¹³ «Теперь мы к миру спустимся слепому, –
Так начал, смертно побледнев, поэт.

²⁴ *Ворвался в глубь моей дремоты сонной тяжелый гул...* – Во время сна каким-то чудесным образом поэт был переправлен через Ахерон. Очнувшись от сна, он уже оказался в первом круге Ада. Здесь, в так называемом Лимбе (лат. *Limbus* – кайма), пребывали души праведников и добродетельных людей, еще не приобщившихся к христианским таинствам, патриархи и пророки Ветхого завета и души младенцев, умерших без крещения.

Мне первому идти, тебе – второму».

¹⁶ И я сказал, заметив этот цвет:
«Как я пойду, когда вождем и другом
Владеет страх и мне опоры нет?»

¹⁹ «Печаль о тех, кто скован ближним кругом, –
Он отвечал, – мне на лицо легла,
И состраданье ты почел испугом.

²² Пора идти, дорога не мала».
Так он сошел, и я за ним спустился,
Вниз, в первый круг, идущий вкруг жерла.

²⁵ Сквозь тьму не плач до слуха доносился,
А только вздох взлетал со всех сторон
И в вековечном воздухе струился.

²⁸ Он был безбольной скорбью порожден,
Которою казались объаты
Толпы младенцев, и мужей, и жен.

³¹ «Что ж ты не спросишь, – молвил мой вожатый, –
Какие духи здесь нашли приют?
Знай, прежде чем продолжить путь начатый,

³⁴ Что эти не грешили; не спасут
Одни заслуги, если нет крещения,

Которым к вере истинной идут;

³⁷ Кто жил до христианского ученья,
Тот бога чтит не так, как мы должны.
Таков и я. За эти упущенья,

⁴⁰ Не за иное, мы осуждены
И здесь, по приговору высшей воли,
Мы жаждем и надежды лишены».

⁴³ Стеснилась грудь моя от тяжелой боли
При вести, сколь достойные мужи
Вкушают в Лимбе горечь этой доли.

⁴⁶ «Учитель мой, мой господин, скажи, —
Спросил я, алча веры несомненной,
Которая превыше всякой лжи, —

⁴⁹ Взошел ли кто отсюда в свет блаженный,
Своей иль чьей-то правдой искуплен?»
Поняв значение речи сокровенной:

⁵² «Я был здесь внове, — мне ответил он, —
Когда, при мне, сюда сошел Властитель,
Хоругвью победы осенен.

⁵⁵ Им изведен был первый прародитель;
И Авель, чистый сын его, и Ной,

И Моисей, уставщик и служитель;

⁵⁸ И царь Давид, и Авраам седой;
Израиль, и отец его, и дети;
Рахиль, великой взятая ценой;²⁵

⁶¹ И много тех, кто ныне в горнем свете. –
Других спасенных не было до них,
И первыми блаженны стали эти».

⁶⁴ Он говорил, но шаг наш не затих,
И мы все время шли великой чашей,
Я разумею – чашей душ людских.

⁶⁷ И в области, невдале отстоящей
От места сна, предстал моим глазам
Огонь, под полушарьем тьмы горящий.

⁷⁰ Хоть этот свет и не был близок к нам,
Я видеть мог, что некий многочестный
И высший сонм уединился там.

⁷³ «Искусств и знаний образец всеместный.
Скажи, кто эти, не в пример другим
Почтённые, среди толпы окрестной?»

²⁵ *Великой взятая ценой* – Согласно библейской мифологии, патриарх Яков, чтобы жениться на Рахили, служил ее отцу в общей сложности четырнадцать лет.

⁷⁶ И он ответил: «Именем своим
Они гремят земле и слава эта
Угодна небу, благостному к ним».

⁷⁹ «Почтите высочайшего поэта! –
Раздался в это время чей-то зов. –
Вот тень его подходит к месту света».

⁸² И я увидел после этих слов,
Что четверо к нам держат шаг державный,
Их облик был ни весел, ни суров.

⁸⁵ «Взгляни, – промолвил мой учитель славный.
С мечом в руке, величьем осиян,
Трем остальным предшествует, как главный,

⁸⁸ Гомер, превысший из певцов всех стран;
Второй – Гораций, бичевавший нравы;
Овидий – третий, и за ним – Лукан.²⁶

⁹¹ Нас связывает титул величавый,
Здесь прозвучавший, чуть я подошел;

²⁶ В полном мраке первого круга Ада светила некая полусфера. Там пребывали славные поэты древности – Гомер с мечом в руках, символизировавшим воспетые им битвы героев, знаменитые римские поэты – Гораций (65–8 г. до н. э.), Овидий (43 г. до н. э. – 17 г. н. э.) и Лукан (39–65 гг. н. э.).

Почтив его, они, конечно, правы».

⁹⁴ Так я узрел славнейшую из школ,
Чьи песнопенья вознеслись над светом
И реют над другими, как орел.

⁹⁷ Мой вождь их встретил, и ко мне с приветом
Семья певцов приблизилась сама;
Учитель улыбнулся мне при этом.

¹⁰⁰ И эта честь умножилась весьма,
Когда я приобщен был к их собору
И стал шестым среди столького ума

¹⁰³ Мы ушли к лучам, предавшись разговору,
Который лишний здесь и в этот миг,
Насколько там он к месту был и в пору

¹⁰⁶ Высокий замок предо мной возник,
Семь раз обвитый стройными стенами;
Кругом бежал приветливый родник.

¹⁰⁹ Мы, как землей, прошли его волнами;
Сквозь семь ворот тропа вовнутрь вела;
Зеленый луг открылся перед нами.

¹¹² Там были люди с важностью чела,
Неторопливым и спокойным взглядом;

Их речь звучна и медленна была.

¹¹⁵ Мы поднялись на холм, который рядом,
В открытом месте, светел, величав,
Господствовал над этим свежим садом.

¹¹⁸ На зеленеющей финифти трав
Предстали взорам доблестные тени,
И я ликую сердцем, их выдав.

¹²¹ Я зрел Электру в сонме поколений,
Меж коих были Гектор, и Эней,
И хищноокий Цезарь, друг сражений.

¹²⁴ Пентесилея и Камилла с ней
Сидели возле, и с отцом – Лавина;
Брут, первый консул, был в кругу теней;

¹²⁷ Дочь Цезаря, супруга Коллатина,
И Гракхов мать, и та, чей муж Катон;
Поодаль я заметил Саладина.

¹³⁰ Потом, взглянув на невысокий склон,
Я увидал: учитель тех, кто знает,
Семьей мудролюбивой окружен

¹³³ К нему Сократ всех ближе восседает
И с ним Платон; весь сонм всеведца чтит

Здесь тот, кто мир случайным полагает,

¹³⁶ Философ знаменитый Демокрит;
Здесь Диоген, Фалес с Анаксагором,
Зенон, и Эмпедокл, и Гераклит;

¹³⁹ Диоскорид, прославленный разбором
Целебных качеств; Сенка, Орфей,
Лин, Туллий; дальше представляли взорам

¹⁴² Там – геометр Эвклид, там – Птолемей,
Там – Гиппократ, Гален и Авиценна,
Аверроис, толковник новых дней.

¹⁴⁵ Я всех назвать не в силах поименно;
Мне нужно быстро молвить обо всем.
И часто речь моя несовершенна.

¹⁴⁸ Синклит шести распался, мы вдвоем;
Из тихой сени в воздух потрясенный
Уже иным мы движемся путем,

¹⁵¹ И я – во тьме, ничем не озаренной.

Песнь пятая

Так я сошел, покинув круг начальный,
Вниз во второй; он менее, чем тот,
Но больших мук в нем слышен стон печальный.

⁴ Здесь ждет Минос, оскалив страшный рот;
Допрос и суд свершает у порога
И взмахами хвоста на муку шлет.

⁷ Едва душа, отпавшая от бога,
Пред ним предстанет с повестью своей,
Он, согрешенья различая строго,

¹⁰ Обитель Ада назначает ей,
Хвост обвивая столько раз вокруг тела,
На сколько ей спуститься ступеней.

¹³ Всегда толпа у грозного предела;
Подходят души чередой на суд:
Промолвила, вняла и вглубь слетела.

¹⁶ «О ты, пришедший в бедственный приют, –
Вскричал Минос, меня окинув взглядом
И прерывая свой жестокий труд, –

¹⁹ Зачем ты здесь и кто с тобою рядом?
Не обольщайся, что легко войти!»
И вождь в ответ: «Тому, кто сходит Адом,

²² Не преграждай сужденного пути.
Того хотят – там, где исполнить властны
То, что хотят. И речи прекрати».

²⁵ И вот я начал различать неясный
И дальний стон; вот я пришел туда,
Где плач в меня удалил многогласный.

²⁸ Я там, где свет немотствует всегда
И словно воет глубина морская,
Когда двух вихрей злобствует вражда.

³¹ То адский ветер, отдыха не зная,
Мчит сонмы душ среди окрестной мглы
И мучит их, крутя и истязая.

³⁴ Когда они стремятся вдоль скалы,
Взлетают крики, жалобы и пени,
На господу ужасные хулы.

³⁷ И я узнал, что этот круг мучений
Для тех, кого земная плоть звала,
Кто предал разум власти вожделений.

40 И как скворцов уносят их крыла,
В дни холода, густым и длинным строем,
Так эта буря кружит духов зла

43 Туда, сюда, вниз, вверх, огромным роем;
Им нет надежды на смягченье мук
Или на миг, овеянный покоем.

46 Как журавлиный клин летит на юг
С унылой песнью в высоте надгорной,
Так предо мной, стеная, неся крут

49 Теней, гонимых вьюгой необорной;
И я сказал: «Учитель, что они,
Которых так терзает воздух черный?»

52 Он отвечал: «Вот первая, взгляни:
Ее державе многие языки
В минувшие покорствовали дни.

55 Она вдалась в такой разврат великий,
Что вольность всем была разрешена.
Дабы народ не осуждал владыки.

58 То Нинова венчанная жена,
Семирамида, древняя царица:
Ее земля Султану отдана.

61 Вот нежной страсти горестная жрица,
Которой прах Сихея оскорблен:
Вот Клеопатра, грешная блудница.

64 А там Елена, тягостных времен
Виновница; Ахилл, гроза сражений,
Который был любовью побежден;

67 Парис, Тристан». Бесчисленные тени
Он назвал мне и указал рукой,
Погубленные жадой наслаждений.

70 Вняв имена прославленных молвой
Воителей и жен из уст поэта,
Я смутен стал, и дух затмился мой.

73 Я начал так: «Я бы хотел ответа
От этих двух,²⁷ которых вместе вьет
И так легко уносит буря эта».

²⁷ «Я бы хотел ответа от этих двух...» – Как видно из дальнейшего, это души несчастных возлюбленных Франчески да Римини и Паоло Малатеста. Лица исторические, современники Данте. Франческа была женой влиятельного, но некрасивого и жестокого Джанчотто Малатеста. Вскоре она полюбила его младшего брата, красивого и нежного юношу. Узнав об этом от слуги, Джанчотто убил жену и брата. О трагической любви Франческо и Паоло рассказал Дж. Боккаччо в своем незаконченном комментарии к «Божественной комедии». На этот сюжет П. И. Чайковский написал симфоническую фантазию «Франческа да Римини».

76 И мне мой вождь: «Пусть ветер их пригнет
Поближе к нам; и пусть любовью молит
И оклик твой; они прервут полет».

79 Увидев, что их ветер к нам неволит,
«О души скорби! я воззвал, –
Сюда! И отзовитесь, если Тот позволит!»

82 Как голуби на сладкий зов гнезда,
Поддержанные волею несущей.
Раскинув крылья, мчатся без труда,

85 Так и они, паря во мгле гнетущей,
Покинули Дидоны скорбный рой
На возглас мой, приветливо зовущий.

88 «О ласковый и благостный живой,
Ты, посетивший в тьме неизреченной
Нас, обagrивших кровью мир земной;

91 Когда бы нам был другом царь вселенной,
Мы бы молились, чтоб тебя он спас,
Сочувственного к муке сокровенной.

94 И если к нам беседа есть у вас,
Мы рады говорить и слушать сами,
Пока безмолвен вихрь, как здесь сейчас.

⁹⁷ Я родился над теми берегами,²⁸
Где волны, как усталого гонца,
Встречают По с попутными реками.

¹⁰⁰ Любовь сжигает нежные сердца,
И он пленился телом несравнимым,
Погубленным так страшно в час конца.

¹⁰³ Любовь, любить велящая любимым,
Меня к нему так властно привлекла,
Что этот плен ты видишь нерушимым.

¹⁰⁶ Любовь вдвоем на гибель нас вела;
В Каине²⁹ будет наших дней гаситель».
Такая речь из уст у них текла.

¹⁰⁹ Скорбящих теней сокрушенный зритель,
Я голову в тоске склонил на грудь.
«О чем ты думаешь?» – спросил учитель.

¹¹² Я начал так: «О, знал ли кто-нибудь,
Какая нега и мечта какая
Их привела на этот горький путь!»

²⁸ *Я родилась над теми берегами...* – то есть в Равенне, расположенной в устье реки По. Там Данте поселился в конце жизни, там же умер и похоронен.

²⁹ *Каина* – так назван по имени библейского братоубийцы Каина первый пояс последнего, девятого круга Ада, где томятся в муках предавшие своих близких.

115 Потом, к умолкшим слово обращая,
Сказал: «Франческа, жалобе твоей
Я со слезами внемлю, сострадая.

118 Но Расскажи: меж вздохов нежных дней,
Что было вам любовною наукой,
Раскрывшей слуху тайный зов страстей?»

121 И мне она: «Тот страждет высшей мукой,
Кто радостные помнит времена
В несчастьи: твой вождь тому порукой.³⁰

124 Но если знать до первого зерна
Злосчастную любовь ты полон жажды,
Слова и слезы расточу сполна.

127 В досужий час читали мы однажды
О Ланчелоте³¹ сладостный рассказ;
Одни мы были, был беспечен каждый.

130 Над книгой взоры встретились не раз,
И мы бледнели с тайным содраганьем;

³⁰ ... *твой вождь тому порукой*. – Вергилий, поведавший миру о странствиях и войнах Энея за будущее Италии.

³¹ *О Ланчелоте*... – герой французского средневекового романа из цикла о рыцарях Круглого Стола. Ланчелот прославился своими подвигами при дворе короля Артура и полюбил его жену – королеву Джиневру.

Но дальше повесть победила нас.

¹³³ Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
Прильнул к улыбке дорогого рта,
Тот, с кем навек я скована терзаньем,

¹³⁶ Поцеловал, дрожа, мои уста.
И книга стала нашим Галеотом³²!
Никто из нас не дочитал листа».

¹³⁹ Дух говорил, томимый, страшным гнетом,
Другой рыдал, и мука их сердец
Мое чело покрыла смертным потом;

¹⁴² И я упал, как падает мертвец.³³

Песнь шестая

Едва ко мне вернулся ясный разум,
Который был не в силах устоять
Пред горестным виденьем и рассказом, —

³² *Галерт* — рыцарь, который помог Ланчелоту встретиться с королевой Джиневрой и уговорил ее поцеловать нерешительного героя.

³³ *И я упал, как падает мертвец...* — Рассказ о любви Франчески и Паоло поверг его в обморочное состояние. Данте далек от эпического спокойствия, страдая и принимая все близко к сердцу.

⁴ Уже средь новых пыток я опять,
Средь новых жертв, куда ни обратиться,
Куда ни посмотреть, куда ни стать.

⁷ Я в третьем круге,³⁴ там, где дождь струится
Проклятый, вечный, грузный, ледяной;
Всегда такой же, он все так же длится.

¹⁰ Тяжелый град, и снег, и мокрый гной
Пронизывают воздух непроглядный;
Земля смердит под жидкой пеленой

¹³ Трехзевый Цербер³⁵, хищный и громадный
Собачьим лаем лает на народ,
Который вязнет в этой топи смрадной.

¹⁶ Его глаза багровы, вздут живот,
Жир в черной бороде, когтисты руки;
Он мучит души, кожу с мясом рвет.

³⁴ *Я в третьем круге...* – Очнувшись после обморока от встречи с несчастными Франческой и Паоло, Данте оказывается в третьем круге Ада, где казнились чревоугодники, обжоры.

³⁵ *Цербер* (Кербер) – сын Тифона и Ехидны, многоголовый кровожадный пес, стерегущий вход в подземный мир. Он пропускает туда души умерших, но обратно не выпускает никого. Цербер, как большинство созданий античной мифологии, представлен в «Божественной комедии» в измененном виде – как страшный бес с тремя пастями, терзающими грешников.

¹⁹ А те под ливнем воют, словно суки;
Прикрыть стараясь верхним нижний бок,
Ворочаются в исступленье муки.

²² Завидя нас, разинул рты, как мог,
Червь гнусный, Цербер, и спокойной части
В нем не было от головы до ног.

²⁵ Мой вождь нагнулся, простирая пясти,
И, взяв земли два полных кулака,
Метнул ее в прожорливые пасти.

²⁸ Как пес, который с лаем ждал куска,
Смолкает, в кость вгрызаясь с жадной силой,
И занят только тем, что жрет пока, –

³¹ Так смолк и демон Цербер грязнорылый,
Чей лай настолько душам омерзел,
Что глухота казалась бы им милой.

³⁴ Меж призраков, которыми владел
Тяжелый дождь, мы шли вперед, ступая
По пустоте, имевшей облик тел.

³⁷ Лежала плоско их гряда густая.
И лишь один, чуть нас заметил он,
Привстал и сел, глаза на нас вздымая.

⁴⁰ «О ты, который в этот Ад сведен, –
Сказал он, – ты меня, наверно, знаешь;
Ты был уже, когда я выбыл вон».

⁴³ И я: «Ты вид столь жалостный являешь,
Что кажешься чужим в глазах моих
И вряд ли мне кого напоминаешь.

⁴⁶ Скажи мне, кто ты, жертва этих злых
И скорбных мест и казни ежечасной,
Не горше, но противней всех других».

⁴⁹ И он: «Твой город³⁶, зависти ужасной
Столь полный, что уже трещит квашня,
Был и моим когда-то в жизни ясной.

⁵² Прозвали Чакко³⁷ граждане меня.
За то, что я обжорству предавался,
Я истлеваю, под дождем стена.

⁵⁵ И бедная душа, я оказался
Не одинок: их всех карают тут
За тот же грех». Его рассказ прервался.

³⁶ «Твой город...» – Флоренция, родина Данте.

³⁷ Прозвали Чакко... —На флорентийском диалекте «Чакко» означало «Забулдыга», «Прожорливая свинья».

⁵⁸ Я молвил: «Чакко, слезы грудь мне жмут
Тоской о бедствии твоём заглобном.
Но я прошу: скажи, к чему придут

⁶¹ Враждующие в городе усобном:³⁸
И кто в нем праведен, и чем раздор
Зажжен в народе этом многозлобном?»

⁶⁴ И он ответил: «После долгих ссор
Прольется кровь и власть лесным доставит,
А их врагам – изгнание и позор.

⁶⁷ Когда же солнце трижды лик свой явит,
Они падут, а тем поможет встать
Рука того, кто в наши дни лукавит.

⁷⁰ Они придавят их и будут знать,
Что вновь чело на долгий срок подъямлют,
Судив сраженным плакать и роптать.

³⁸ *Враждующие в городе усобном...* – Во Флоренции во времена Данте (конец XIII – начало XIV в.) шла ожесточенная, с кровавыми эксцессами и террором борьба между черными (сторонники папы) и белыми (богатые сторонники независимой республики) гвельфами. Чакко предсказывает кровопролития и междоусобицу во Флоренции и что победят белые (иначе лесные, то есть пришедшие из лесистых сельских мест), а черных отправят в изгнание. Затем удача улыбнется черным, белые будут вынуждены покинуть родной край. Данте принадлежал к белым гвельфам.

⁷³ Есть двое праведных,³⁹ но им не внемлют.
Гордыня, зависть, алчность – вот в сердцах
Три жгучих искры, что вовек не дремлют»,

⁷⁶ Он смолк на этих горестных словах
И я ему: «Из бездны злополучий
Вручи мне дар и будь щедрей в речах.

⁷⁹ Теггьяйо, Фарината, дух могучий.
Все те, чей разум правдой был богат,
Арриго, Моска или Рустикуччи, –

⁸² Где все они, я их увидеть рад;
Мне сердце жжет узнать судьбу славнейших:
Их нежит небо или травит Ад?»

⁸⁵ И он: «Они средь душ еще чернейших:
Их тянет книзу бремя грешных лет;
Ты можешь встретить их в кругах дальнейших.

⁸⁸ Но я прошу: вернувшись в милый свет,
Напомни людям, что я жил меж ними,
Вот мой последний сказ и мой ответ»,

⁹¹ Взглянув глазами, от тоски косыми,

³⁹ *Есть двое праведных...* – По этому поводу комментаторы высказывают разные догадки, но все они мало убедительны.

Он наклонился и, лицо тая,
Повергся ниц меж прочими слепыми.⁴⁰

⁹⁴ И мне сказал вожатый: «Здесь гния,
Он до трубы архангела не встанет
Когда придет враждебный судия,

⁹⁷ К своей могиле скорбной каждый прянет
И в прежний образ снова воплотись,
Услышит то, что вечным громом грянет».

¹⁰⁰ Мы тихо шли сквозь смешанную грязь
Теней и ливня, в разные сужденья
О вековой жизни углубясь.

¹⁰³ Я так спросил: «Учитель, их мученья,
По грозном приговоре, как – сильней
Иль меньше будут, иль без измененья?»

¹⁰⁶ И он: «Наукой сказано твоей⁴¹
Что, чем природа совершенней в сущем,
Тем слаще нег в нем и боль больней.

¹⁰⁹ Хотя проклятым людям, здесь живущим,

⁴⁰ .. *меж прочими слепыми*... слепыми не в буквальном смысле, а в переносном – духовно слепыми, не различающими добра и зла.

⁴¹ «*Наукой сказано твоей*: Вергилий имеет в виду Аристотеля, которого почитал Данте.

К прямому совершенству не прийти,
Их ждет полное бытие в грядущем».

¹¹² Мы шли кругом по этому пути;
Я всей беседы нашей не отмечу;
И там, где к бездне начал спуск вести,

¹¹⁵ Нам Плутос, враг великий, встал навстречу.

Песнь тридцать вторая

Когда б мой стих был хриплый и скрипучий,
Как требует зловещее жерло,
Куда спадают все другие кручи.

⁴ Мне б это крепче выжать помогло
Сок замысла; но здесь мой слог некстати
И речь вести мне будет тяжело:

⁷ Ведь вовсе не из легких предприятий –
Представить образ мирового дна:
Тут не отделаешься «мамой-тятей».

¹⁰ Но помощь Муз да будет мне дана,

Как Амфиону⁴², строившему Фивы.
Чтоб в слове сущность выразить сполна.

¹³ Жалчайший род, чей жребий несчастливый
И молвить трудно, лучше б на земле
Ты был овечьим стадом, нечестивый!

¹⁶ Мы оказались⁴³ в преисподней мгле,
У ног гиганта, на равнине гладкой,
И я дивился шедшей вверх скале,

¹⁹ Как вдруг услышал крик: «Шагай с оглядкой»
Ведь ты почти что на головы нам,
Злосчастным братьям, наступаешь пяткой!»

²² Я увидал, взглянув по сторонам,
Что подо мною озеро, от стужи
Подобное стеклу, а не волнам.

²⁵ В разгар зимы не облечен снаружи
Таким покровом в Австрии Дунай,

⁴² Амфион... – Своим пением, которое было даром Муз, царь Орхомена двигал камни, чтобы воздвигнуть стены Фив. Так Амфион стал основателем этого города.

⁴³ Мы оказались... – Поэты проникли в последний, девятый круг Ада, дно которого образует ледяное озеро Коцит. Здесь карают предателей. Первый пояс девятого круга назван по имени братоубийцы Каина – Кайна.

И дальний Танаис⁴⁴ твердеет хуже;

²⁸ Когда бы Тамбернику⁴⁵ невзначай
Иль Пьетрапане дать сюда свалиться,
У озера не хрустнул бы и край.

³¹ И как лягушка выставить ловчится,
Чтобы поквакать, рыльце из пруда,
Когда жнее страда и ночью снится,

³⁴ Так, вмерзши до таилища стыда
И аисту под звук стуча зубами,
Синели души грешных изо льда.

³⁷ Свое лицо они склоняли сами,
Свидетельствуя в облике таком
О стуже – ртом, о горести – глазами.

⁴⁰ Взглянув окрест, я вновь поник челом
И увидал двоих,⁴⁶ так сжатых рядом,
Что волосы их сбились в цельный ком.

⁴³ «Вы, грудь о грудь окованные хладом, –

⁴⁴ *Танаис* – древнегреческое название Дона.

⁴⁵ *Тамберник* – гора в Славонии. *Пьетрапанс* – гора в Апуанских Альпах.

⁴⁶ *И увидал двоих...* – Два брата дельи Альберта убили друг друга (конец XIII в.), враждую из-за наследства.

Сказал я, – кто вы?» Каждый шею взнес
И на меня оборотился взглядом.

⁴⁶ И их глаза, набухшие от слез,
Излились влагой, и она застыла,
И веки им обледенил мороз.

⁴⁹ Бревно с бревном скоба бы не скрепила
Столь прочно; и они, как два козла,
Боднулись лбами, – так их злость душила.

⁵² И кто-то молвил, не подняв чела,
От холода безухий: «Что такое?
Зачем ты в нас глядишь, как в зеркала?

⁵⁵ Когда ты хочешь знать, кто эти двое:
Им завещал Альберто, их отец,
Бизенцкий дол, наследье родовое.

⁵⁸ Родные братья; из конца в конец
Обшарь хотя бы всю Каину, – гаже
Не вязнет в студне ни один мертвец:

⁶¹ Ни тот, которому, на зоркой страже,
Артур пронзил копьем и грудь и тень,
Ни сам Фокачча, ни вот этот даже,

⁶⁴ Что головой мне застит скудный день

И прозывался Сассоль Маскерони;
В Тоскане слышали про эту тень.

⁶⁷ А я, – чтоб все явить, как на ладони, –
Был Камичон де'Пацци, и я жду
Карлино, для затмения беззаконий». ⁴⁷

⁷⁰⁴⁸ Потом я видел сотни лиц во льду,
Подобных песьим мордам; и доныне
Страх у меня к замерзшему пруду.

⁷³ И вот, пока мы шли к той середине,
Где сходится всех тяжестей поток,
И я дрожал в темнеющей пустыне, –

⁷⁶ Была то воля, случай или рок,
Не знаю, – только, меж голов ступая,
Я одному ногой ушиб висок

⁷⁹ «Ты что дерешься? – вскрикнул дух, стеная. –
Ведь не пришел же ты меня толкнуть,
За Монтаперти лишний раз отмщая?»

⁸² И я: «Учитель, подожди чуть-чуть;

⁴⁷ Здесь названы лица, предательски убившие своих родственников.

⁴⁸ С этого стиха начинается описание второго пояса девятого круга Ада, носящего имя троянского вождя Антенора. Здесь испытывают вечные муки предатели родины и те, кто изменил своим единомышленникам.

Пусть он меня избавит от сомнений;
Потом ускорим, сколько хочешь, путь»,

⁸⁵ Вожатый стал; и я промолвил тени,
Которая ругалась всем дурным:
«Кто ты, к другим столь злобный средь мучений?»

⁸⁸ «А сам ты кто, ступающий другим
На лица в Антеноре, — он ответил, —
Больней, чем если бы ты был живым?»

⁹¹ «Я жив, и ты бы утешенье встретил, —
Был мой ответ, — когда б из рода в род
В моих созвучьях я тебя отметил».

⁹⁴ И он сказал: «Хочу наоборот.
Отстань, уйди; хитрец ты плоховатый:
Нашел, чем льстить средь ледяных болот!»

⁹⁷ Вцепясь ему в затылок волосатый,
Я так сказал: «Себя ты назовешь
Иль без волос останешься, проклятый!»

¹⁰⁰ И он в ответ: «Раз ты мне космы рвешь,
Я не скажу, не обнаружу, кто я,
Хотя б меня ты изувечил сплошь».

¹⁰³ Уже, рукой в его загривке роя,

Я не одну ему повыдрал прядь.
А он глядел все книзу, громко воя.

¹⁰⁶ Вдруг кто-то крикнул: «Бокка, брось орать!
И без того уж челюстью грохочешь.
Разлаялся! Кой черт с тобой опять?»

¹⁰⁹ «Теперь молчи, – сказал я, – если хочешь,
Предатель гнусный! В мире свой позор
Через меня навеки ты упрочишь».

¹¹² «Ступай, – сказал он, – врать тебе простор.
Но твой рассказ пусть в точности означает
И этого, что на язык так скор.

¹¹⁵ Он по французским денежкам здесь плачет.
«Дуэра, – ты расскажешь, – водворен
Там, где в прохладце грешный люд маячит».

¹¹⁸ А если спросят, кто еще, то вон –
Здесь Беккерия, ближе братьи прочей,
Которому нашейник рассечен:

¹²¹ Там Данни Сольданыер потупил очи,
И Ганеллон⁴⁹, и Тебальделло с ним,
Тот, что Фаэнцу отомкнул средь ночи».

⁴⁹ *Ганеллон* – предатель французов, знатный рыцарь из «Песни о Роланде».

¹²⁴ Мы отошли, и тут глазам моим
Предстали двое, в яме леденя:
Один, как шапкой, был накрыт другим.

¹²⁷ Как хлеб грызет голодный, стервенея,
Так верхний зубы нижнему вонзал
Туда, где мозг смыкаются и шея.

¹³⁰ И сам Тидей⁵⁰ не яростней глодал
Лоб Меналиппа, в час перед кончиной,
Чем этот призрак череп пожирал.

¹³³ «Ты, одержимый злобою звериной
К тому, кого ты истерзал, жуя.
Скажи, – промолвил я, – что ей причиной.

¹³⁶ И если праведна вражда твоя, –
Узнав, кто вы и чем ты так обижен.
Тебе на свете послужу и я,

¹³⁹ Пока не станет мой язык недвижим».

⁵⁰ *Тидей* (греч. миф) – один из семи вождей, осаждавших Фивы. Убил своего противника Меланиппа и в припадке ненависти впился зубами в его голову.

Песнь тридцать третья

Подняв уста от мерзостного брашна,
Он вытер свой окровавленный рот
О волосы, в которых грыз так страшно,

⁴ Потом сказал: «Отчаянных невзгод
Ты в скорбном сердце обновляешь бремя;
Не только речь, и мысль о них гнетет.

⁷ Но если слово прорастет, как семя,
Хулой врагу, которого гложу.
Я рад вещать и плакать в то же время.

¹⁰ Не знаю, кто ты, как прошел межу
Печальных стран, откуда нет возврата,
Но ты тосканец, как на слух сужу.

¹³ Я графом Уголино был когда-то,
Архиепископом Руджери – он;⁵¹

⁵¹ «Я графом Уголино был когда-то, архиепископом Руджери – он....» – Гвельф граф Уголино делла Герардеска возглавлял Пизанскую республику. Вскоре он привлек к власти своего внука Нино, который стал гибеллином, из-за чего у них начались споры. *Архиепископ Пизы Руджери* интриговал против обоих правителей. Внук Уголино был вынужден уйти в изгнание, самого Уголино обвинили в измене и заточили в башню с сыновьями и внуками, где они умерли

Недаром здесь мы ближе, чем два брата.

¹⁶ Что я злодейски был им обойден,
Ему доверясь, заточен как пленник,
Потом убит, – известно испокон;

¹⁹ Но ни один не ведал современник
Про то, как смерть моя была страшна.
Внемли и знай, что сделал мой изменник.

²² В отверстие клетки – с той поры она
Голодной Башней называться стала,
И многим в ней неволя суждена –

²⁵ Я новых лун перевидал немало,
Когда зловещий сон меня потряс,
Грядущего разверзши покрывало.

²⁸ Он, с ловчими, – так снилось мне в тот час, –
Гнал волка и волчат от их стоянки
К холму, что Лукку заслонил от нас;

³¹ Усердных псиц задорил дух приманки,
А головными впереди неслись
Гваланди, и Сисмонди, и Ланфранки.⁵²

голодной смертью в 1289 г.

⁵² *Гваланди, Сисмонди, Ланфранки* – сторонники архиепископа Руджери.

³⁴ Отцу и детям было не спастись:
Охотникам досталась их потреба,
И в ребра зубы острые впились.

³⁷ Очнувшись раньше, чем зарделось небо,
Я услышал, как, мучимые сном,
Мои четыре сына просят хлеба.

⁴⁰ Когда без слез ты слушаешь о том,
Что этим стоном сердцу возвещалось, —
Ты плакал ли когда-нибудь о чем?

⁴³ Они проснулись; время приближалось,
Когда тюремщик пищу подает,
И мысль у всех недавним сном терзалась.

⁴⁶ И вдруг я слышу — забивают вход
Ужасной башни; я глядел, застылый,
На сыновей; я чувствовал, что вот —

⁴⁹ Я каменею, и стонать нет силы;
Стонали дети; Ансельмуччо мой
Спросил: «Отец, что ты так смотришь, милый?»

⁵² Но я не плакал; молча, как немой,
Провел весь день и ночь, пока денница
Не вышла с новым солнцем в мир земной.

⁵⁵ Когда луча ничтожная частица
Проникла в скорбный склеп и я открыл,
Каков я сам, взглянув на эти лица, –

⁵⁸ Себе я пальцы в муке укусил.
Им думалось, что это голод нудит
Меня кусать; и каждый, встав, просил:

⁶¹ «Отец, ешь нас, нам это легче будет;
Ты дал нам эти жалкие тела, –
Возьми их сам; так справедливость судит».

⁶⁴ Но я утих, чтоб им не делать зла.
В безмолвье день, за ним другой промчался.
Зачем, земля, ты нас не пожрала!

⁶⁷ Настал четвертый. Гаддо зашатался
И бросился к моим ногам, стена:
«Отец, да помоги же!» – и скончался.

⁷⁰ И я, как ты здесь смотришь на меня,
Смотрел, как трое пали друг за другом,
От пятого и до шестого дня.

⁷³ Уже слепой, я щупал их с испугом
Два дня звал мертвых с воплями тоски;
Но злей, чем горе, голод был недугом».

⁷⁶ Тут он умолк и вновь, скосив зрачки,
Вцепился в жалкий череп, в кость вонзая,
Как у собаки, крепкие клыки.

⁷⁹ О Пиза, стыд пленительного края.
Где раздается *si!*⁵³ Коль медлит суд
Твоих соседей, – пусть, тебя кара,

⁸² Капрара и Горгона с мест сойдут
И устье Арно заградят заставой,⁵⁴
Чтоб утонул весь твой бесчестный люд!

⁸⁵ Как ни был бы ославлен темной славой
Граф Уголино, замки уступив, –
За что детей вести на крест неправый!

⁸⁸ Невинны были, о исчадь Фив.⁵⁵
И Угуччоне с молодым Бригатой,
И те, кого я назвал, в песнь вложив.

⁵³ *Где раздается si!* – по-итальянски «да». В то время романские языки разделяли по звучанию слова «да» – язык «си», язык «ок», язык «ум». Такой классификации придерживался и Данте.

⁵⁴ *Капрара и Горгона с мест сойдут и устье Арно заградят заставой...* – *Капрара и Горгона* – острова в Тирренском море, а в устье Арно лежит Пиза.

⁵⁵ ... *о исчадь Фив...* – По преданию, Пизу основали выходцы из греческого города Фив, чья история была полна трагических событий.

⁹¹ Мы шли вперед равниною покатою⁵⁶
Туда, где, лежа навзничь, грешный род
Терзается, жестоким льдом зажатый.

⁹⁴ Там самый плач им плакать не дает,
И боль, прорвать не в силах покрывала,
К сугубой муке снова внутрь идет;

⁹⁷ Затем что слезы с самого начала,
В подбровной накопляясь глубине,
Твердеют, как хрустальные забрала.

¹⁰⁰ И в этот час, хоть и казалось мне,
Что все мое лицо, и лоб, и веки
От холода бесчувственны вполне,

¹⁰³ Я ощутил как будто ветер некий.
«Учитель, – я спросил, – чем он рожден?
Ведь всякий пар угашен здесь навеки».

¹⁰⁶ И вождь: «Ты вскоре будешь приведен
В то место, где, узрев ответ воочью,
Постигнешь сам, чем воздух возмущен».

¹⁰⁹ Один из тех, кто скован льдом и ночью,

⁵⁶ Вергилий и Данте вступают в третий пояс девятого круга Ада – Толомею, где уготованы вечные муки для предавших друзей.

Вскричал: «О души, злые до того,
Что вас послали прямо к средоточию,

¹¹² Снимите гнев со взгляда моего,
Чтоб скорбь излилась хоть на миг слезою.
Пока мороз не затянул его».

¹¹⁵ И я в ответ: «Тебе я взор открою,
Но назовись; и если я солгал.
Пусть окажусь под ледяной корою!»

¹¹⁸ «Я: – инок Альбериго⁵⁷, – он сказал, –
Тот, что плоды растил на злое дело
И здесь на финик смокву променял».

¹²¹ «Ты разве умер?» – с уст моих слетело.
И он в ответ: «Мне ведать не дано,
Как здравствует мое земное тело.

¹²⁴ Здесь, в Толомее, так заведено,
Что часто души, раньше, чем сразила
Их Атропос, уже летят на дно

⁵⁷ *Инок Альбериго...* – Он получил пощечину от своего родственника Манфредо. Скрыв свои истинные чувства, Альбериго якобы в знак примирения пригласил Манфредо к себе. Во время обеда, данного в его честь, хозяин произнес условную фразу: «Теперь подайте фрукты!» На Манфредо набросились убийцы и закололи его. Отсюда родилась поговорка: «Фрукты брата Альбериго». Этот эпизод произошел в 1285 г. Ниже *Альбериго* из Оранцы в Романье назван «гнуснейшим из романцев».

¹²⁷ И чтоб тебе еще приятней было
Снять у меня стеклянный полог с глаз,
Знай, что, едва предательство свершила,

¹³⁰ Как я, душа, вселяется тотчас
Ей в тело бес, и в нем он остается,
Доколе срок для плоти не угас.

¹³³ Душа катится вниз, на дно колодца.
Еще, быть может, к мертвым не причли
И ту, что там за мной от стужи жметя.

¹³⁶ Ты это должен знать, раз ты с земли:
Он звался Бранка д'Орья;. наша братья
С ним свыклась, годы вместе провели».

¹³⁹ «Что это правда, мало вероятья, —
Сказал я. — Бранка д'Орья жив, здоров,
Он ест, и пьет, и спит, и носит платья».

¹⁴² И дух в ответ: «В смолой кипящий ров
Еще Микеле Цанке не направил,
С землею разлучась, своих шагов,

¹⁴⁵ Как этот беса во плоти оставил
Взамен себя, с сородичем одним,
С которым вместе он себя прославил.

¹⁴⁸ Но руку протяни к глазам моим,
Открой мне их!» И я рукой не двинул.
И было доблестью быть подлым с ним.

¹⁵¹ О генуэзцы, вы, в чьем сердце минул
Последний стыд и все осквернено,
Зачем ваш род еще с земли не сгинул?

¹⁵⁴ С гнуснейшим из романцев заодно
Я встретил одного из вас, который
Душой в Коците погружен давно.

¹⁵⁷ А телом здесь обманывает взоры.

Песнь тридцать четвертая

«Vexilla regis prodeunt inferni»⁵⁸

Навстречу нам, – сказал учитель. – Вот,
Смотри, уже он виден в этой черни».

⁵⁸ Латинский текст, которым начинается песнь, взят из церковного гимна: «Знамена царя приближаются к нам...» Данте несколько изменяет текст: «У него знамена царя Ада», то есть Люцифера, падшего ангела, свергнутого с небес и застрявшего в центре Земли и, следовательно, в центре Вселенной.

⁴ Когда на нашем небе ночь встает
Или в тумане меркнет ясность взгляда,
Так мельница вдали крылами бьет,

⁷ Как здесь во мгле встававшая громада.
Я хоронился за вождем как мог,
Чтобы от ветра мне была пощада.

¹⁰ Мы были там,⁵⁹ – мне страшно этих строк, –
Где тени в недрах ледяного слоя
Сквозят глубоко, как в стекле сучок.

¹³ Одни лежат; другие вмерзли стоя.
Кто вверх, кто книзу головой застыв;
А кто – дугой, лицо ступнями кроя.

¹⁶ В безмолвии дальнейшем путь свершив
И пожелав, чтобы мой взгляд окинул
Того, кто был когда-то так красив,

¹⁹ Учитель мой вперед меня подвинул,
Сказав: «Вот Дит, вот мы пришли туда,
Где надлежит, чтоб ты боязнь отринул».

⁵⁹ *Мы были там...* – Вергилий и Данте прошли в самый центр Ада – Джудекку (название произведено по имени Иуды). Тех, кто предал своих благодетелей, здесь подвергают вечной пытке жестоким холодом.

²² Как холоден и слаб я стал тогда,
Не спрашивай, читатель: речь – убоже;
Писать о том не стоит и труда.

²⁵ Я не был мертв, и жив я не был тоже;
А рассудить ты можешь и один:
Ни тем, ни этим быть – с чем это схоже.

²⁸ Мучительной державы властелин
Грудь изо льда вздымал наполовину;
И мне по росту ближе исполин.

³¹ Чем руки Люцифера исполину:
По этой части ты был сам расчел,
Каков он весь, ушедший телом в льдину.

³⁴ О, если вежды он к Творцу возвел
И был так дивен, как теперь ужасен,
Он, истинно, первопричина зол!

³⁷ И я от изумленья стал безгласен,
Когда увидел три лица на нем;
Одно – над грудью; цвет его был красен;

⁴⁰ А над одним и над другим плечом
Два смежных с этим в стороны грозило,
Смыкаясь на затылке под хохлом.

43 Лицо направо – бело-желтым было;
Окраска же у левого была.
Как у пришедших с водопадов Нила.

46 Росло под каждым два больших крыла,
Как должно птице, столь великой в мире;
Таких ветрил и мачта не несла.

49 Без перьев, вид у них был нетопырий;
Он ими веял, движа рамена,
И гнал три ветра вдоль по темной шири,

52 Струи Коцита леденя до дна.
Шесть глаз точило слезы, и стекала
Из трех пастей кровавая слюна.

55 Они все три терзали, как трепала,
По грешнику; так, с каждой стороны
По одному, в них трое изнывало.

58 Переднему не зубы так страшны,
Как ногти были, всё одну и ту же
Сдирающие кожу со спины.

61 «Тот, наверху, страдающий всех хуже, –
Промолвил вождь, – Иуда Искарьот;
Внутри головой и пятками наруже.

⁶⁴ А эти – видишь – головой вперед;
Вот Брут, свисающий из черной пасти;
Он корчится – и губ не разомкнет!

⁶⁷ Напротив – Кассий,⁶⁰ телом коренастей.
Но наступает ночь; пора и в путь;
Ты видел все, что было в нашей власти».

⁷⁰ Велев себя вкруг шеи обомкнуть
И выбрав миг и место, мой вожатый,
Как только крылья обнажили грудь,

⁷³ Приблизился, вцепился в стан косматый
И стал спускаться вниз, с клона на клок,
Меж корок льда и грудью волосатой.

⁷⁶ Когда мы пробирались там, где бок,
Загнув к бедру, дает уклон пологий,
Вождь, тяжело дыша, с усилием лег.

⁷⁹ Челом туда, где прежде были ноги,
И стал по шерсти подыматься ввысь,
Я думал – вспять, по той же вновь дороге.

⁶⁰ *Марк Юний Брут и Гай Кассий Лонгин*, сторонники республики, в 44 г. до н. э. убили Юлия Цезаря, диктатора, положившего начало императорской власти в Риме.

⁸² Учитель молвил: «Крепче ухватись, –
И он дышал, как человек усталый. –
Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись». ⁶¹

⁸⁵ Он в толще скал проник сквозь отступ малый,
Помог мне сесть на край, потом ко мне
Уверенно перешагнул на скалы.

⁸⁸ Я ждал, глаза подъявля к Сатане,
Что он такой, как я его покинул,
А он торчал ногами к вышине.

⁹¹ И что за трепет на меня нахлынул,
Пусть судят те, кто, слыша мой рассказ,
Не угадал, какой рубеж я минул.

⁹⁴ «Встань, – вождь промолвил. – Ожидает нас
Немалый путь, и нелегка дорога,
А солнце входит во второй свой час».

⁹⁷ Мы были с ним не посреди чертога;
То был, верней, естественный подвал,
С неровным дном, и свет мерцал убого.

⁶¹ *Вот путь, чтоб нам из бездны зла спастись...* – Поэты спустились по шерсти гигантского властелина Ада сначала до пояса, приходившегося на центр Земли, а затем направились к поверхности земли уже в Южном полушарии.

¹⁰⁰ «Учитель, – молвил я, как только встал, –
Пока мы здесь, на глубине безвестной,
Скажи, чтоб я в сомненьях не блуждал:

¹⁰³ Где лед? Зачем вот этот в яме тесной
Торчит стремглав? И как уже пройден
От ночи к утру солнцем путь небесный?»

¹⁰⁶ «Ты думал – мы, как прежде, – молвил он, –
За средоточьем, там, где я вцепился
В руно червя, которым мир пронзен?

¹⁰⁹ Спускаясь вниз, ты там и находился;
Но я в той точке сделал поворот,
Где гнет всех грузов отовсюду слился;

¹¹² И над тобой теперь небесный свод,
Обратный своду, что взнесен навеки
Над сушей и под сенью чьих высот

¹¹⁵ Угасла жизнь в безгрешном Человеке;
Тебя держащий каменный настил
Есть малый круг, обратный лик Джудекки

¹¹⁸ Тут – день встает, там – вечер наступил;
А этот вот, чья лестница мохната.
Все так же воткнут, как и прежде был.

¹²¹ Сюда с небес вонзился он когда-то;
Земля, что раньше наверху цвела,
Застлалась морем, ужасом объята,

¹²⁴ И в наше полушарье перешла;
И здесь, быть может, вверх горой скакнула,
И он остался в пустоте дупла».

¹²⁷ Там место есть, вдали от Вельзевула,
Насколько стены склепа вдаль ведут;
Оно приметно только из-за гула

¹³⁰ Ручья, который вытекает тут,
Пробившись через камень, им точимый;
Он вьется сверху, и наклон не крут.

¹³³ Мой вождь и я на этот путь незримый
Ступили, чтоб вернуться в ясный свет,
И двигались все вверх, неутомимы,

¹³⁶ Он – впереди, а я ему вослед,
Пока моих очей не озарила
Краса небес в зияющий просвет:

¹³⁹ И здесь мы вышли вновь узреть светила.

Чистилище

Песнь первая

Для лучших вод подъемля парус ныне,
Мой гений вновь стремится свою ладью,
Блуждавшую в столь яростной пучине,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.